

С. Моронов, А. Харонов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Термидор Андрея Кузнецова

Сергей Моронов

Термидор Андрея Кузнецова

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Моронов С.

Термидор Андрея Кузнецова / С. Моронов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Мистик Андрей Кузнецов в результате ДТП попадает в иную реальность. В разгаре 1937 год. В Советском Союзе страной управляет коммунистическая партия во главе со Львом Троцким. Андрей пробуждается в личности ревизора комиссии партийного контроля Матвея Синцова. Синцов ведёт расследование заговора перерожденцев-бюрократов из высшей партийной элиты. Но не всё так просто. Неожиданно Синцов сталкивается с пришельцами из глубин космоса... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Как стать гуру	7
Кто я?	12
Ревизор	22
Время действовать	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Термидор – 11-й месяц (19/20 июля – 17/18 августа) французского республиканского календаря, действовавшего с октября 1793 по 1 января 1806. Также термидором называют термидорианский переворот, в результате которого была ликвидирована якобинская диктатура и был положен конец Французской революции.

Название месяца «термидор» стало символичным для обозначения всякого контрреволюционного переворота. Так, Лев Троцкий в своей книге «Преданная революция» посвятил отдельную главу «Советский термидор» бюрократизации коммунистической партии и отчуждению народных масс от управления государством в условиях сталинизма. (Википедия).

Пролог

Медуза плыла в пустоте. Сумерки, окружавшие её, были повсюду, они дышали вечностью. Исполинская сущность мерно покачивалась в невидимом потоке, как бы неспешно прогуливаясь, создавая иллюзию какого-то движения. Её иссиня-чёрные бока, были покрыты чем-то лоснящимся и блестящим. Что-то в них постоянно пузырилось, колыхалось и вибрировало. Наверное, она плавала здесь целую вечность. Но медуза ничего этого не знала. Она вообще ничего не знала, она не могла ни мыслить, ни созидать, ни даже уничтожать. Медуза знала только голод, вечный вселенский голод, проникающий в каждую частичку её гигантского тела.

Голод не давал ни минуты покоя, заставляя находиться в вечном поиске пищи. Пищу производили микроскопические пузырьки, возникающие и тут же исчезающие в сумеречной пустоте. Она чувствовала их всем своим нутром. Миллиарды этих микроскопических созданий окружали её. Как только пробуждался новый пузырёк, медуза действовала. Из её тела выстреливала тонкая нить с присоской на конце. Эта присоска пронзала пространство и находила пузырёк, где бы тот не проявлялся. Присоска захватывала еду и больше не отпускала, соединяя жертву с исполинской тушей.

По тонким струящимся нитям медуза посылала вибрации той определённой частоты, которые проникая в пузырёк, возбуждали подобие движения. Эти движения начинали вибрировать особым образом и, напитанные энергией возвращались в медузу. Это и была еда, но её постоянно не хватало. Пузырьки были слишком недолговечны, вот они появлялись, но тут же исчезали, не успев, как следует напитать медузу. Взамен возникали новые, этой череде перерождений не было конца...

Как стать гуру

Яркое полуденное солнце плавало асфальт, по которому в глубокой задумчивости брёл мастер тайных знаний, основатель эзотерической системы по освобождению ума Андрей Кузнецов. Продвинутый мистик был погружён в свои просветлённые мысли, вновь и вновь проживая те значимые периоды своей жизни, которые привели его к тому, что сейчас олицетворяла его высокодуховная личность. Словно бусины чётки, отщёлкивал он вехи своего славного пути...

Андрей Кузнецов родился в городе Иркутске в конце восьмидесятых годов двадцатого века. Поздний ребёнок, отца своего он не знал и вырос наедине с матерью. Педагог по профессии, Тамара Николаевна, полностью отдавала себя воспитанию единственного сына, окружив его такой заботой и вниманием, что Андрею порой казалось, что ещё чуть-чуть, и он задохнётся в железных объятиях материнской любви.

Андрей рос хилым и болезненным ребёнком, дворовым играм предпочитал телевизор и книги, которых в детстве прочитал невероятное количество, развив в себе неуёмную фантазию, которая носила его, то по бескрайним просторам вселенной, то по более приземлённым местам, возрастая с каждым днём.

В школе, учитывая его родственную связь с одним из самых свирепых педагогов, Андрея никто не трогал и особо не задирал. Вместе с тем, его социальная планка в классе была весьма низкой. Местная элита его в свои ряды не принимала и никаких отношений с ним старалась не поддерживать. Замухрышек и ботаников Андрей избегал, что-то отталкивало его от себе подобных особей.

Крайне неудачно складывались отношения Андрея с так называемыми местными гопниками. Последние, видимо, своим звериным чутьём улавливали вибрации страха и невинности, исходящие от Андрея и, словно, коршуны набрасывались на него, причиняя неокрепшей душевной организации подростка нравственные страдания, а телу физическую боль.

Конечно, такая реальность не совсем устраивала Андрея, и он, как мог, компенсировал её, погружаясь в свои буйные фантазии, в которых с нудным упорством прорисовывал каждую мельчайшую деталь. В своих мечтах он легко расправлялся с уличными хулиганами, зарабатывал несокрушимый авторитет в классе, становясь примером для подражания парней и предметом восхищения девочек.

В своих ментальных реальностях Андрей был супергероем, который разобравшись с земными проблемами, и в очередной раз, спасая от гибели человечество, переключался на дальний космос, где уже вовсю боролся с инопланетными тварями, опять кого-то спасая. В общем, внутренняя жизнь кипела и бурлила, в отличие от унылых и иногда болезненных земных будней.

Ближе к выпускному классу Андрей неожиданно для себя увлёкся историей. Точнее определённым периодом в истории нашей страны, который пришёлся на тридцатые годы двадцатого века. Тема сталинских репрессий стала просто страстью Андрея, он поглощал всё, что мог найти по данному вопросу. Увлёкшись этим периодом, Андрей даже подумывал поступить на исторический факультет университета, чтобы потом защитить диссертацию на тему разгадки событий 1937 – 1938 годов. Соответственно, прославиться на весь мир, с вытекающими отсюда приятностями, в виде почивания на лаврах.

Закончив школу, Андрей так и поступил, а именно, поступил на исторический факультет, благо мамины связи в образовании распространялись и на госуниверситет.

Жизнь продолжала течь тем же унылым и однообразным руслом, практически ничего не изменив. Всё так же, уже в студенческой среде, пролетали мимо серые будни. Вниманием

женского пола Андрей не пользовался абсолютно. Предпочитал быть один, иногда тусовался в компании двух-трёх очкариков, с которыми уж точно горы свернуть было невозможно.

С диссертацией и последующим мировым признанием всё тоже оказалось не так, как грезились. Чем ближе приближался диплом, тем всё меньше шансов оставалось для научных притязаний и сопутствующих радостей.

Тем не менее, получение высшего образования ознаменовало для Андрея новый этап в жизни. С помощью различных убеждений, перерастающих в угрозы и физическую силу, он был буквально втиснут деятельной Тамарой Николаевной в нишу школьного образования, став учителем истории средней школы.

К слову сказать, Андрей сопротивлялся как мог, пытаясь избежать этой участи, даже посредством службы в Вооруженных Силах. Но, к счастью для самого Андрея, армия отвергла несостоявшегося призывника вердиктом грозной медкомиссии, которая вынесла свой суровый приговор – не годен.

Так что пришлось «вольнолюбивому» молодому историку идти в рабство средней школы, под надзор грозного цербера – своей матери. Но светлая полоса, нет-нет, да посещала жизнь Андрея Кузнецова, и через год, правдами и неправдами, он смог вырваться на волю, завязав с наукой и образованием.

Теперь он с головой окунулся в жизнь менеджера коммерческих структур, где и пребывал до событий двухлетней давности, полностью перевернувших его жизнь.

Всё началось ещё в университете, где у Андрея появилась очередная страсть. Один из приятелей-очкариков подсадил его на эзотерику, причём подсадил так крепко, что снять его с этого нового крючка не смог бы ни один психотерапевт на свете. Андрей отдался тайным знаниям всей своей неуёмной душой. Перечитал огромное количество книг, выделяя Блаватскую, Гурджиева, Успенского, Ошо, Кришнамурти, Кастанеду и других учителей человечества.

Теперь целью новоявленного мистика стало достижение непреодолимых высот в духовном плане развития. В своих, по-прежнему, буйных мечтах Андрей видел себя прославленным Учителем, который просветлев и познав все тайны бытия, несёт свет знания в неокрепшие умы своих многочисленных учеников и последователей.

Как бы услышав зов будущего мастера тайных знаний, вселенная откликнулась и предоставила Андрею шанс в виде обнаруженной им на просторах Интернета психотехнике «Agile mole», что в переводе на русский язык означало «Проворный крот». Данная система была довольно популярной в среде, так называемых «ищущих свой Путь» и жаждущих полного освобождения от оков ненавистного эго. Её автор утверждал, что с помощью «крота» в относительно короткий срок можно избавиться от ментального мусора, коим сверх всякой меры забиты головы любого современного члена социума.

Увидев потенциал, и придя к выводу, что именно этот инструмент позволит ему обрести полное просветление и стать мастером осознанности, Андрей с головой окунулся в новое дело. За какой-то год работы будущий гуру, превратился в продвинутого практика. Как считал сам Андрей, он уже полностью освоил все тонкости «Проворного крота» и рамки этой психотехники стали для него малы.

Игнорируя предупреждения автора «Agile mole», Андрей занялся самоусовершенствованием системы, привнёс много нового и полезного, да что там говорить, фактически полностью изменил сам процесс работы с подсознанием. Так пролетел ещё год, и вот два года назад произошло то, что полностью изменило его жизнь.

В один из июньских дней того знаменательного года, он впервые услышал Голос. Голос, вещавший в голове Андрея, сообщил, что на Земле идёт противостояние двух Великих Сил. Проявлением одной из них является человеческий род, другую же представляют Рептилоиды,

раса холонокровных тварей, цель которых – полное порабощение человечества и использование людей в качестве безвольных рабов.

Рептилоиды – более древняя цивилизация, прилетевшая на Землю из глубин космоса. Пользуясь своими способностями, они проникли во все властные и финансовые элиты. Они держат под своим контролем всё развитие человечества, и, если ничего не изменить, то лет через тридцать-сорок полностью достигнут своей низменной цели – станут полноправными хозяевами на Земле. Люди же превратятся в вечных рабов этих тварей, прозябая в голоде и нищете.

Сила, которую представляет Голос, призвана не допустить этого вселенского беспредела, чем она в принципе и занимается. Но Сила ничего не может сделать одна, без верных рекрутов человеческого рода, готовых отдать жизнь за спасение человечества от этих подлых тварей. Сила, ведя неустанную борьбу, подыскивает тех редких экземпляров, которые без колебаний встанут в строй, под знамёна грядущей великой битвы.

Стать рекрутом Силы непросто. Обычный среднестатистический гражданин в силу своей зомбированности и отсутствия воли не может быть избранным. Избранными становятся редкие индивидуальности, такие как Андрей, заслужившие подобную честь своими подвигами на духовном поприще.

Да, Андрей избран Силой как одержавший победу в противостоянии Великих Сил, как озаривший свой путь духовными подвигами и знаниями. Теперь он избранный, что накладывает на Андрея не только печать славы, но и огромную ответственность. Путь этот труден и опасен, но почётен и праведен. Да и выбора -то, собственно говоря, у него нет: Сила нашла его, а противиться ей не только бессмысленно, но и смертельно опасно.

Естественно Андрей был просто оглушен тем, что услышал, причём в своей голове. Еле-еле придя в себя и, наконец, уснув, он попал в странную реальность.

Очнувшись, Андрей обнаружил, что находится на каком-то особо секретном совещании. Вернее на совещании он ощущал своё присутствие. Андрей как будто присутствовал, но не сам по себе, а в лице комиссара госбезопасности 1-го ранга Заковского Леонида Михайловича.

Особо секретное совещание проходило 5 марта 1937 года на одной из дач, находящихся в ведомстве НКВД СССР. Докладывал генеральный комиссар государственной безопасности Николай Иванович Ежов, он же магистр тайного Ордена, членами которого являлись все присутствующие на собрании высшие руководители госбезопасности.

Ежов доводил до сведения членов Ордена, что настал подходящий момент, когда Орден, созданный для борьбы с рептилоидами, может нанести сокрушительный удар. Но этот удар сопряжён с большой опасностью, грозит превратиться в настоящую мясорубку, в которой понесут потери не только рептилии, но и члены Ордена, да и просто невинные люди.

Там же на совещании Андрей узнал, что посвящённый может видеть, что у рептилии, в районе седьмой чакры – сахасары, имеется характерное маятниковое свечение, качающееся из ядовито-жёлтого в багрово-красный цвет. Такого свечения нет у обычных людей.

Так происходило ещё много раз: Андрей присутствовал в различных персонажах, которые были то «посвящёнными», то простыми, но честными работниками ГУГБ НКВД, ведущими беспощадную борьбу с врагами, имеющими характерное маятниковое свечение.

Последним персонажем, в котором поприисутствовал Андрей, был сам магистр Ордена – Николай Иванович Ежов. Андрей присутствовал в «железном наркоте» в тот самый чёрный день, когда уже проигравший битву, сломленный магистр, стоял перед военной коллегией, глядел в лица своих судей и с горечью констатировал наличие у каждого из них того самого мерцания в районе сахасары, переходящего из ядовито-жёлтого в багрово-красный цвет.

Да, его судили не просто враги, его судили рептилии. Орден был разгромлен, из высших посвящённых не осталось почти никого, единицам удалось пройти сквозь жернова репрессий, в которые их толкали рептилии. Его оставили напоследок.

Рептилии торжествовали, праздновали победу. И судилище, и последующее неминуемое убийство бывшего «железного наркома» было для них той вишенкой на торте, тем заключительным аккордом, что придавали этой победе особый утончённый вкус.

Сломленный магистр толкал свою покаянную речь, не столько для них, рептилиям было всё равно, он говорил для товарища Сталина, искренне, всем сердцем надеясь, что вождь остался вне контроля холоднокровных.

В какой-то момент что-то вспыхнуло в почерневшей от горя и поражения душе наркома. Неожиданно со всей ясностью Николай Иванович вспомнил, сколько рептилий он отправил на тот свет, гордость содеянным на мгновение охватила всё его существо, и он произнёс:

– Я почистил четырнадцать тысяч чекистов. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашиваешь его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа, мои враги...

Очнувшись в своей обычной реальности, Андрей был извещён Голосом, что таким вот странным образом, во сне он получил посвящение высшего уровня и теперь является полноправным членом Ордена.

После чего Андрей приступил к тренировкам по выявлению рептилоидов в среде обычных людей. С успехом прошел и эти испытания, после чего всё тем же Голосом был привлечён к проведению настоящих акций. Для этих целей новоявленный мастер Ордена, изготовил адскую смесь, убивающую рептилий наповал. Адская смесь была якобы изобретена безмянными учёными Ордена и состояла из обычного аспирина, растворённого в «Кока-Коле» в порции 18 таблеток на полтора литра жидкости.

С помощью данной смеси, заправленной в детский водяной бластер, Андрей совершил две акции возмездия, облив сначала своего генерального директора и его жену, в которых ранее опознал рептилоидов. Во время акции он видел сам, как корчились в предсмертных судорогах холоднокровные твари, как шипела и лопалась их кожа, каждой клеткой ощущал вонь горелого мяса.

Вторую акцию он провёл по настоянию Голоса на следующий день у здания областной Администрации, облив адской смесью группу рептилий, маскировавшихся под монгольскую делегацию. Во время акции от нестерпимой вони он потерял сознание и был задержан полицией, и в итоге помещён в психиатрическую больницу.

В «психушке» Андрей пролежал полгода, где его благополучно излечили от параноидальной шизофрении. Теперь он твёрдо знал, что никакого Голоса на самом деле не было, что всё это глюки перемкнувшего ума. Что взяв на себя непосильную ношу, Андрей переутомился на нелёгком пути к просветлению. Да, теперь было ясно как день, что никаких рептилий не было. Николай Ежов был кровавым палачом Сталина, уничтожавшего «ежовыми рукавицами» старую большевистскую гвардию. Никаких тайных Орденов не было, а были вырвавшиеся из под контроля чекисты.

Никаких рептилий Андрей из игрушечного бластера не поджаривал. И генеральный директор с женой, и группа чиновников из Монголии были просто-напросто облиты им с ног до головы «Кока-колой», а единственный ущерб выражался в нервном шоке и испорченной одежде.

Там же в психиатрической больнице, накачанный нейролептиками, практик самосовершенствования окончательно просветлел, и мог часами сидеть на кровати, уставившись на

такого же просветлённого соседа, неустанно мастурбирующего в открытое пространство космоса.

Наконец, после долгих духовных исканий, он достиг того особенного состояния, которое символизировала песня группы «Чайф», постоянно теперь звучащая в голове Андрея:

«А мне всё пофиг – я с покоса – уберите кирпичи
А на хрена уральский парень занимается Тай-чи?
А мы вдыхаем вольный ветер, наши руки так крепки
А ломать без толку доски – удавиться от тоски»

Эта мистическая фраза «А мне всё пофиг – я с покоса – уберите кирпичи» как бы подоживала всю суть его пути, всю его мудрость, всё то, чего он в итоге добился.

Жизнь заиграла для Андрея новыми красками и, покинув стены сумасшедшего дома, одухотворённый новоявленный Учитель создал свою собственную секту, ведущую пока немногочисленных последователей к полному освобождению.

Вот примерно на такой высокопарной ноте застало то полуденное солнце Андрея Кузнецова, бредущего в глубокой задумчивости по набережной реки Ангары.

«Да, воистину говорят, что путь к совершенству лежит через муки и лишения. Но все эти напасти стоят того, что обретает искатель в итоге...», – были последними мыслями, посетившими просветлённую голову в этот день.

Навстречу Андрею неспешно шагала мужчина, ничем не отличающийся от других прохожих, если бы не одно «но». Это самое «но» заключалось в том, что в районе седьмой чакры этого персонажа, словно маятник мерцало пятно, качающееся из ядовито-жёлтого в багрово-красный цвет.

Мысли мгновенно исчезли, а лениво-благодатное состояние Андрея сменилось ступором. Ноги отяжелели и стали ватными, во рту пересохло, противно защемило где-то в области солнечного сплетения. Дикий ужас окутал мастера тайных знаний. Словно превращённый неизвестными силами в камень, Андрей стоял как вкопанный и наблюдал, как мимо него прошествовала эта холоднокровная особь.

Как только рептилия оказалась позади, в теле что-то щёлкнуло, и ничего не соображающий просветлённый Учитель побежал. Паника, обуявшая сознание, гнала Андрея. За пару секунд преодолев десяток метров и кусты живой изгороди, он оказался на проезжей части.

Заглушающий все иные звуки сигнал автомобиля переключил режим восприятия Андрея. Теперь уже невыносимо долго он наблюдал, как на него со скоростью черепахи накатывает тёмно-синий Мицубиси Паджеро. Когда неминуемое столкновение всё же произошло, пришла темнота, которая поглотила весь окружающий мир...

Кто я?

...Сначала было слово. А точнее слова. Точнее слова и музыка. Да, точно, в темноте звучала песня:

– Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде

Мы начеку, мы за врагом следим.

Чужой земли мы не хотим ни пяди,

Но и своей вершка не отдадим...

«Марш советских танкистов из фильма «Трактористы», – автоматически отметил для себя Андрей Кузнецов.

– Гремя огнём, сверкая блеском стали

Пойдут машины в яростный поход,

Когда нас в бой пошлёт товарищ Троцкий

И Тухачевский в бой нас поведёт...

«Что? Какой на хрен Троцкий?», – эта явная несуразица вернула Андрея к жизни, и он увидел свет.

Начиная приходить в себя, Андрей пытался определить, где он. Серо-белые однообразные стены и потолки, кровати с лежащими на них людьми и стойкий запах человеческой жизнедеятельности, вперемишку с запахом лекарств, крови и ещё чего-то неуловимого. Эти признаки, собранные вместе, давали только один-единственный возможный ответ – он находился в больнице.

Придя к однозначному выводу, Андрей продолжил осмотр помещения, и его взгляд натолкнулся на портрет, висевший на боковой стене. С портрета на него смотрел мужчина лет шестидесяти с седой шевелюрой, такими же усами и бородкой клинышком. Сквозь очки на Андрея смотрели умные, пронзительные глаза. Что-то до боли знакомое было в этом лице.

«Да это же Троцкий!», – ошеломило Андрея неожиданное открытие. Тут же в голове заиграла приведшая его в чувство песня: «Когда нас в бой пошлёт товарищ Троцкий...».

«Что это? Я схожу с ума или попал в программу «Розыгрыш»?» – мысли скакали, пытаясь найти адекватное объяснение явному несоответствию, которое выбивало Андрея из колеи и вселяло всё нарастающую тревогу.

В итоге, не в силах сопротивляться, Андрей громко застонал. Кто-то тут же начал звать сестру. Через пару минут в глаза Андрею заглядывала молодая девушка в белом старомодном халате и белой косынке, повязанной на голове.

«Что за форма? Так ведь только в старых фильмах медсёстры одеваются», – продолжал недоумевать Андрей.

Через минут двадцать к койке подошёл доктор, по крайней мере, именно так обозначила его та самая старомодная сестра. Доктор также был одет в аналогичную форму середины прошлого века.

– Ну-с, молодой человек, как себя чувствуете? – спросил доктор.

– Ну...м-м-м... не знаю, – честно ответил Андрей.

– Так-так, что-то же чувствуете? Где-то болит?

– М-м-м.. да вроде нигде, так голова немного кружится, – промямлил Андрей.

– Хорошо-хорошо, отлично даже, а как Вас звать-величать, – продолжил доктор, – меня вот Аркадий Фёдорович, а Вас?

– М-м-м... – начал было Андрей, но повинуясь какому-то внезапно возникшему импульсу, остановился и красноречиво замотал головой, давая понять, что не помнит.

– Так-так, а какое сегодня число, месяц, год?

– Не знаю, – чуть слышно прошептал Андрей.

- Так-так, а где Вы молодой человек сейчас находитесь?
- Ну, я так понял, что в больнице, – решил ответить Андрей.
- Отлично, здесь Вы понимаете! А что с Вами произошло?
- Под машину попал? – скорее спросил, чем ответил Андрей.
- Под машину? Очень, очень интересно. А почему именно под машину?
- М-м-м.. не знаю...
- Понятно-понятно, ну что ж, в себя Вы пришли, это уже прогресс, будем лечить, – оптимистично проворковал доктор.
- Доктор, скажите, а какое сегодня число? – чувствуя, как телом овладевает страх, решил спросить Андрей.
- Конечно-конечно, сегодня мил человек, девятое июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года.
- Что!?!? – Андрей подскочил на кровати, но тут же упал назад, вновь погрузившись в спасительную темноту.

Из спасительной темноты Андрея вывел хорошо поставленный голос диктора, вещавшего, как он понял, по радио. Андрей прислушался, сосредоточившись на доносившихся словах:

«...О действительной победе социализма можно будет говорить именно и только с того исторического момента, когда государство превратится в полу-государство, а деньги начнут утрачивать свою магическую силу. Такие характерные для анархизма требования, как отмена денег, отмена заработной платы или упразднение государства и семьи, могут представлять интерес, лишь как образец механического мышления. Денег нельзя по произволу отменить, а государство или старую семью упразднить, – они должны исчерпать свою историческую миссию, выдохнуться и отпасть. Смертельный удар денежному фетишизму будет нанесен лишь на той ступени, когда непрерывный рост общественного богатства отучит двуногих от скаредного отношения к каждой лишней минуте работы и от унижительного страха за размеры пайка. Утрачивая способность приносить счастье или повергать в прах, деньги превратятся в простые расчетные квитанции, для удобства статистики и планирования. В дальнейшем не потребуется, вероятно, и квитанций. Но заботу об этом мы можем полностью предоставить потомкам, которые будут умнее нас...»

«Я опять здесь, опять этот бред...», – с невыносимой тоской подумал Андрей, оглядываясь по сторонам. Всё та же больничная палата, те же койки, тот же непередаваемый «аромат» больницы, всё говорило о том, что изменений в его восприятии реальности не произошло. Как и до потери сознания, Андрей Кузнецов находился в той же самой больничной палате.

На всякий случай, ущипнув себя пару раз за руку и за ногу, он в очередной раз убедился в незыблемости окружающего мира. Решив приподняться на кровати, Андрей заворочался, поднимая непослушное от долгого лежания тело, чем привлёк внимание соседа по койке, который сосредоточенно слушал радио, но заметив потуги соседа, повернулся и уставился на Андрея вопросительным взглядом.

- Может, чем помочь?
- Да, нет, спасибо, я сам, – ответил Андрей.
- Меня Семёном кличут, – решил завязать беседу сосед.
- А я, признаться, ни хрена не помню, – Андрей решил прикинуться больным на голову, чтобы извлечь максимум пользы и расспросить соседа о том, где он находится. Пока ещё он не терял надежду, что возможно это какой-то розыгрыш или ещё что-нибудь, что сможет объяснить его пребывание в этом странном месте.
- Слушай, Семён, а есть, что попить?

– Этого добра сколько угодно, на вот, хлебни, – сосед протянул Андрею кружку с водой, – Вот курица нет, это прям беда, не разрешают курить-то, доктора эти.

– Семён, а что это по радио передают, никак сообразить не могу, – начал разведку Андрей.

– Ты чё брат, совсем плох, однако, думай что говоришь. Это же работу товарища Троцкого читают, сейчас же по радио время политпросвещения, – с недоумением ответил сосед и подозрительно уставился на Андрея.

– Да не смотри ты так, самому тошно, ничего сообразить не могу, ни кто я, ни где я, пустота какая-то в голове. Вот даже ни число какое, ни какой год, ничего не помню.

– Да-а-а, эка тебя шибануло, – с сочувствием отозвался, успокоившийся сосед, – А число сегодня десятое июня 1937 года.

«Опять тридцать седьмой, да что же это творится-то со мной», – поддался подступающему страху Андрей, а вслух лишь нечленораздельно промычал, разведя рукам в стороны и, вновь упал на кровать, уставившись невидящим взглядом в потолок.

Сосед что-то ещё продолжал говорить, но Андрей уже не слушал его. Захватившая мозг устрашающая мысль оглушила его и лишила последних сил: «А что если всё это реальность, из которой уже не выбраться?». Опять погрузившись в спасительную темноту, Андрей был выдернут оттуда каким-то шумом.

Очнувшись, он увидел, что в палате появился какой-то человек в сапогах, полувоенной форме и накинутом поверх неё белом халате. Тут же выяснилось, что к ним в палату зашёл инструктор районного комитета ВКП(б), чтобы провести обязательное, как понял Андрей, политзанятие.

– Товарищи, все вы прекрасно знаете, что в этом году двенадцатого декабря мы отмечаем десятую годовщину Четвёртой Пролетарской Революции, которая озаряет своим священным светом нашу борьбу до полной победы Мировой Революции и построению счастливого коммунистического общества.

– В связи с приближающейся годовщиной, наша партийная организация взяла на себя проведение политзанятий в вашей больнице, чтобы мы, так сказать, воочию увидели, как готовятся к встрече этого знаменательного события представители разных профессий и возрастов, собранные вместе волею судьбы, – продолжал инструктор.

– Сегодня, мне хотелось бы послушать вас, что знаете вы о Четвёртой Пролетарской Революции. Вот, например, Вы, товарищ, – инструктор указал пальцем на одного из больных, сидевшего на кровати.

– Четвёртая Пролетарская Революция свершилась 12 декабря 1927 года, через месяц после десятой годовщины Октябрьской революции, которая была узурпирована и предана бандой эпигонов, под руководством Сталина, – ответил больной.

– Отлично, а вот Вы, товарищ, – инструктор указал на другого человека, – расскажите, каковы были предпосылки этой революции?

– В 1923 году, ещё при жизни нашего вождя товарища Ленина, власть в стране была захвачена шайкой эпигонов, которыми руководил Сталин. С помощью лжи и предательства, они заняли ключевые посты в Партии, отстранив от руководства верных ленинцев и товарища Троцкого. Они подтасовывали факты и клеветали на верных Революции большевиков.

– Хорошо, а сейчас продолжите Вы, – инструктор указал на Андрея, который в этот момент приподнялся на кровати, чем и привлёк внимание последнего.

Андрей беспомощно оглянулся, не зная, что предпринять, но выручил сосед по койке. Семён объяснил инструктору, что у больного проблемы с памятью.

– Что ж, тогда продолжу я сам, – согласился инструктор.

– К 1927 году в нашей стране свирепствовала контрреволюция. Подлой шайкой Сталина был возрождён прогнивший бюрократический аппарат, полностью оторвавшийся от народа

и действующий только ради своей выгоды. Бюрократы наживались на рабочем классе и крестьянстве в то тяжёлое послевоенное время. В деревне активизировался свой мироед – кулак, выжимающий всё до последней капли из деревенской бедноты.

– Все завоевания Октябрьской Революции были поставлены под удар, – продолжал инструктор, – о перманентности Мировой Революции уже никто не думал, правящая клика была озабочена лишь одним – упрочнением своей власти, которую ей обеспечивала эта самая раздувшаяся до гигантских размеров бюрократия, безжалостно подавляющая любой протест, любое недовольство снизу.

– Родившая из своего змеиноного чрева орган беспощадного подавления под именем ОГПУ, бюрократия убивала молодую рабоче-крестьянскую республику, превращая в её в национал-реакционную бюрократическую мерзость. Свободы слова больше не существовало, любой несогласный с правящим курсом эпигонов был обречён на исключение из Партии и арест.

– Против товарища Троцкого была организована неслыханная по своей подлости и низости травля. Эпигоны делали всё, чтобы опорочить имя верного соратника Ленина, организатора и вождя Октябрьского переворота. Жизнь и борьба товарища Троцкого преподносилась как борьба с Лениным, с его идеями, с его курсом развития Партии и Революции. Всё это делалось вражеской кликой сталинистов с одной целью – ввести в заблуждение массы и представить свою бюрократическую контрреволюцию как продолжение курса Ленина.

– Так называемая новая советская бюрократия становилась всё сильнее и увереннее в себе. Этому подъёму способствовали тяжёлые поражения, которые понёс мировой рабочий класс. Руководство бюрократии откровенно содействовало этим поражениям. Разгром болгарского восстания и бесславное отступление немецких рабочих партий в 1923 году. Крушение эстонской попытки восстания в 1924 году. Везде оставила свой змеиный след шайка Сталина. Заигрывание с трейд-юнионами и, как следствие, вероломная ликвидация всеобщей стачки в Англии. Недостойное поведение польских рабочих партий при воцарении Пилсудского в 1926 году. Страшный кровавый разгром китайской революции в 1927 году. Руководство Коминтерна, этого органа Мировой Революции, увы, пляшущего под дудку Сталина, буквально передало рабочих и крестьян Китая в руки палача и контрреволюционера Чан-Кайши.

– Вот такое положение складывалось в стране в конце 1927 года. Демонстрации в десятую годовщину Октябрьской Революции были отмечены разгоном и избиениями представителей левой оппозиции, оставшейся верной делу Ленина-Троцкого. Казалось, что всё, термидор Сталина победил, Революция разгромлена, но нет, не вышло! Сначала пролетариат Ленинграда, а затем и рабочие Москвы поднялись и, сплотившись под знаменем Мировой Революции и товарища Троцкого, свергли ненавистную власть эпигонов Сталина и её верного пса – советской бюрократии.

– Вот краткая история Четвёртой Пролетарской Революции, а Вам, товарищ, потерявший память, эта история должна быть крайне полезной и нужной вдвойне. Уж если восстанавливать память, то лучше всего с самого значимого события, так ведь? – инструктор уставился на Андрея, своим горящим взором.

– Конечно, так и есть, полностью согласен, – только и успел вставить Андрей.

– А банда эпигонов получила по заслугам, – продолжил инструктор, – Сталин и его ближайшие подручные были исключены из Партии, осуждены, как враги народа, враги Революции, лишены гражданства и высланы за пределы территории Советского союза. Сама же советская бюрократия была полностью разоблачена и разгромлена, и сейчас, кто избежал пули в затылок, выкорчёвывают из себя контрреволюцию в исправительно-трудовых лагерях.

– Но не стоит расслабляться. До сих пор наркомвнудельцы и их передовой отряд – чекисты из Управления революционной безопасности, чистят наши ряды, в которые затесалась недобитая бюрократическая мразь и не разоружившиеся сталинисты. И каждое такое разобла-

чение отзывается в наших революционных сердцах огромной благодарностью и удовлетворением. Врага нужно находить и беспощадно уничтожать, в этом залог развития и победы Мировой Революции.

– Ну вот, пожалуй, на сегодня будет достаточно, а теперь все фотографироваться! – с каким-то особым удовольствием закончил свою речь инструктор райкома партии.

Андрей осмотрелся и остался крайне поражён тем, как изменилось поведение его соседей по палате, коих насчитывалось двенадцать человек. Только что одухотворённые выражения, присутствующие на лицах во время политзанятия, сменились, превратившись в радостные и довольные. В сладостном предвкушении больные начали суетливо перешёптываться, шутить, смеяться, словом вели себя, словно дети в ожидании праздника и подарков.

Сосед по койке опять подозрительно покосился на Андрея.

– А ты чего такой смурной? Фотографироваться не желаешь? Боишься чего? – с угрозой в голосе спросил Семён.

– Да, брось, чего мне бояться, просто как-то непривычно в больничном халате позировать, – отозвался, вмиг напрягшийся, Андрей.

– Ну, ты прям точно на голову ушибленный, – не переставал удивляться сосед, – Это же фотография, это же память, как же без этого?

– Слушай, Семён, правда, ничего не помню, а зачем эти фотографии-то?

– Да ты что?! Эх, как же так-то?! Совсем всё забыл?! Куда же без фото? Это ведь вся наша жизнь, весь наш путь, запечатлённый на века. Когда победит Мировая Революция, мы, нынешние её верные бойцы, станем символом, вся наша священная борьба будет служить потомкам как напоминание о наших геройских буднях. А как потомки узнают о нас, если не будет фотографий? Вот я, например, совершу свой бессмертный подвиг, и память обо мне будет вечно храниться в Музее Коммунизма, запечатлённая на многочисленных фотографиях, вся моя жизнь будет доступна потомкам, это же...это же...-, так и не смог подобрать нужного слова Семён, выражая всем своим видом неопишуемый восторг и гордость.

– Да, действительно, совсем всё забыл, – оправдался, как мог, Андрей и постарался перевести разговор в другое русло – Ты вот лучше, Семён, скажи мне, что это инструктор всё про каких-то эпигонов говорил?

– Ну, с тобой не соскучишься, никак привыкнуть не могу, что на память ты совсем больной. Эпигонами товарищ Троцкий называл Сталина и его прихлебателей. Меткое название я тебе скажу, не в бровь, а в глаз. Это значит, что всё время они пытались Ленину подражать, а в ленинизме ничего не смыслили и, значит, этим своим неумелым подражанием, они только опорочили все священные идеи ленинизма.

Процесс фотографирования занял примерно двадцать минут, после чего инструктор райкома, фотограф и сопровождающая их медсестра покинули палату.

Оставшись наедине со своими мыслями, Андрей вновь погрузился в свои мрачные, тревожные переживания. Всё выходило так, что происходящее с ним не было никаким розыгрышем или ещё чем-то имеющим рациональное объяснение. Получалось, что каким-то неведомым образом Андрей попал в прошлое, да не просто в прошлое, а в какой-то другой вариант этого прошлого, где в 1927 году власть в СССР перешла в руки Троцкого. Что со всем этим делать, Андрей просто не представлял.

Да, конечно, в его жизни были разные моменты, взять хотя бы историю с рептилоидами, что произошла два года назад, но тогда выбитый из привычного образа жизни, он не выдержал и в итоге оказался в психушке. Но там, по крайней мере, была его реальность, его привычный мир, хоть и подпорченный пришельцами.

Был ещё тот странный сон, где он попадал в тела чекистов, но это ведь был просто сон. Сейчас же происходило то, что объяснить было невозможно. Это ведь не фантастический

роман, где оказался в другом мире, и давай подвиги совершать. Здесь ведь всё по-другому, и как жить в этом мире абсолютно не понятно.

Больше всего пугала перспектива того, что этот мир останется его реальностью навсегда, что он будет вынужден умереть здесь, никогда не увидев свою уютную и такую предсказуемую реальность. Неужели это навсегда?

Тревога и отчаяние, острая жалость к себе заполнили всё существо Андрея. Не в состоянии выдержать этого натиска, он зарыдал, вгрызаясь зубами в подушку. Постепенно рыдания переросли в настоящую истерику, его трясло, тело скрючивало и корёжило. Прибежавшие медсестра и дежурный врач, укротили Андрея, вкатив ему изрядную дозу каких-то успокоительных. После чего он опять провалился в спасительную темноту.

Но на этот раз темнота довольно быстро расступилась. Андрею снился сон, который был похож на покинутую им реальность. Он на берегу реки, в гостях у тёти Клавы, маминой сестры. Вместе с ним там были ещё две его двоюродных сестры. Дело было летом, и пришли они все искупнуться. Но купание пришлось отменить из-за неожиданного приключения.

Девчонки, Катя и Лена, были чем-то напуганы и просили Андрея посмотреть на «это». На небольшом мостике, с которого смелые ныряльщики любили показать свою залихватскую удаль, прыгая с разбегу в речку, вдруг обнаружились огромные пауки, размером с целую ладонь. Они походили на тарантулов. Андрей никогда не видел тарантулов живьём, но что-то внутри него подсказало, что эти пауки самые настоящие тарантулы и они чрезвычайно опасны. Андрей подошел поближе, чтобы разглядеть, но один из членистоногих угрожающе направился в его сторону, чем заставил отступить незадачливого парня.

Потом он много раз жалел, что не взял с собой ни сачка, ни банки – вот бы поймать и засушить в лаке это красивое создание. Но сколько он ни рассказывал об этом приключении, никто ему не верил. Сёстры тоже внезапно отказались об этом говорить, как будто ничего и не было. Вообще ничего не случилось. Но воспоминание так и осталось при нём, никогда не выветриваясь. Это было так необычно, что позже Андрей уверовал, что он переместился в другую реальность. А ведь девчонки просто были из той, старой реальности, а те их копии, что он видел – не были его двоюродными сёстрами... и никогда, разумеется, никаких пауков не видели. Эта мысль про другую реальность, ещё долго «грела» Андрея, он таким образом сам для себя становился каким-то особенным, не таким как все...

Следующее пробуждение Андрея уже не было таким болезненным. Видимо, после случившейся с ним истерики и дозы успокоительного что-то перегорело внутри, и он стал воспринимать происходящее с ним не столь трагично.

Сосед по койке, как мог, развлекал его какими-то идиотскими рассказами, в которые Андрей особо и не вникал, а лежал и пытался обдумать своё положение и наметить хоть какой-то план действий на ближайшее будущее.

Впрочем, все попытки ни к чему толком не привели, хотя, пожалуй, одно решение Андрей всё же принял. Он твёрдо решил никому ничего не говорить о том, кто он есть на самом деле. Лучше лечиться от потери памяти, чем быть навсегда запертым в психбольницу. То, что такой исход ему грозит в случае рассказанной докторам правды о себе, Андрей не сомневался.

Вот так он и лежал, глядя в потолок и слушая убаюкивающие звуки, издаваемые Семёном, что-то увлечённо рассказывающим о своей жизни. Лежал и оказался совершенно не готов к очередному потрясению, не заставившему себя долго ждать.

Проходило очередное политзанятие, во время которого теперь уже доктор рассказывал больным о скорой победе Мировой Революции и грядущей счастливой эре Коммунизма. После его окончания, пришла радостная весть: фотограф принёс готовые фотографии и раздал больным. Свои экземпляры достались и Андрею, глянув на которые он чуть не потерял сознание.

На фотографиях, где должен был быть запечатлён он, было увековечено совершенно чужое, незнакомое лицо.

Теперь Андрей окончательно понял, что всё пропало. Оказывается, он не просто оказался в чужом мире, но и в теле человека, жившего в этом самом мире. И об этом человеке он не знал вообще ничего, ни имени, ни чего бы то ни было другого. Что делать дальше, Андрей не представлял и опять скатился в истерику. Проживать чью-то чужую жизнь, это было уже совершенно невозможно. Прибежавшие на крики соседа врачи в очередной раз погрузили Андрея в темноту.

Когда темнота рассеялась, он снова оказался в своей прошлой жизни. На этот раз его унесло в раннюю юность. Тогда к ним в гости приезжала троюродная сестра Лиля. Андрей в то время девушек сторонился, ибо в школе ему доставалось от них достаточно издёвок и насмешек, но тут почему-то проявил интерес к дальней родственнице. Надо сказать, что сестра его была самая обычная девушка, довольно-таки неказистой внешности, только чуть младше самого Андрея.

Лилия, кажется, тоже питала интерес к Андрею или, по крайней мере, это так выглядело. Она довольно мягко общалась с ним, что повышало его неожиданно возникший интерес к противоположному полу. Случилось так, что за каких-то пару-тройку дней Андрей влюбился. Причем влюбился довольно странным образом, он буквально заставил себя её полюбить. Решил поставить над самим собой эксперимент, можно ему намеренно вызвать любовь или это не получится. Получилось...

Но Андрей так и не осмелился рассказать ей о своих чувствах, боясь, что она отвергнет его и будет громко смеяться или расскажет своей матери, двоюродной сестре его мамы. А когда пришла пора расставаться, парень неожиданно для себя стал страдать в её отсутствие. Он толком не ел, лежал целый день на кровати. Спал по четырнадцать часов в сутки. Казалось, конца-края этой пытки влюблённого не будет. Но потом началась школа... выпускной класс. Любовь растаяла как дым, через какие-то три-четыре дня. Андрей же усвоил, что с любовью шутить вредно и больше в жизни никогда не влюблялся уже ни в кого.

Проявилась и еще одна особенность – благодаря эксперименту и пребыванию во сне большую часть суток, он начал видеть будущее. Будущее он сначала видел во сне, а потом реальность словно «повторяла» его сны. К сожалению, эту новую особенность толком нельзя было применить, сны он совершенно не помнил, а вспоминал лишь когда память фиксировала сам факт – да, он это видел ранее, во сне... Тем не менее, эти события заставили Андрея еще больше увериться в собственной исключительности и непохожести на других людей...

Так прошла неделя. Лекарства и время делали своё дело, постепенно выводя Андрея из глубокой депрессии. Ежедневные политзанятия и радио обрисовывали политическую и экономическую ситуацию в СССР. Ничего особо нового по сравнению с тридцатыми годами своей реальности он не нашёл. Да, у власти были другие люди, да основной курс партии был взят на Мировую Революцию. Да, теория перманентной, то есть непрерывной революции была основополагающей. Да, в стране существовали так называемые Военно-производственные коммуны, формирующиеся вокруг государственных и колхозных структур.

Но в остальном всё было, как и в реальности Андрея. Индустриализация и колхозы. Кровавая война с кулаком. Некоторое присутствие частного сектора. Воровство и бандитизм. Беспощадная борьба с вредителями и врагами народа. СССР находился в состоянии мира с другими государствами, но постоянно готовился к войне. В Германии пришёл к власти Гитлер и идеями фашизма постепенно заражались европейские государства.

Медленно, но верно Андрей приходил в себя, общался с соседями в палате, медсёстрами, постигая быт своих новых соотечественников. Пару раз фотографировался для истории. Были

и положительные моменты. Андрей стал чувствовать своё новое тело и был приятно удивлён, что в отличие от его родного, оно было несравненно более развито физически. В новом теле чувствовалась мощь и сила, готовая сокрушить любого врага, вставшего на пути.

Неожиданно для себя Андрей открыл, что стал привлекателен для женского пола, молодые сестрички постоянно заигрывали с ним, делая порой совершенно неоднозначные намёки, чем вводили Андрея в крайнее смущение.

Ещё одну странность заметил Андрей во время лежания на больничной койке. То, чем он жил последние годы: самосовершенствование, духовные изыскания, просветление и, наконец, собственный эзотерический бизнес – всё это стало каким-то далёким, ненастоящим. Как будто, кто-то нажал на таинственную кнопку и выключил то, во что был так сильно вовлечён Андрей, чему он безоговорочно верил. Сейчас же всё это казалось глупым, мелким и неудобным.

Получалось так, что просветление и эзотерические прозрения Андрея не имели никакой практической ценности, иначе, почему глобальная перемена жизни вот так сразу передвинула все его духовные интересы на какой-то далёкий задний план. Порой даже приходила совсем уж предательская мысль, что никакого просветления и не было, а всё он наглючил себе сам, отбывая срок в психиатрической лечебнице. В это уж никак не хотелось верить, и Андрей, как мог, обосновывал для себя эти происходившие с ним странности, находя различные оправдания и причины, по которым он временно отошёл от эзотерических истин.

Спал всё это время Андрей уже фактически без сновидений, проваливаясь в тёмную яму и появляясь на свет всё в том же новом мире. Только однажды ему приснился очередной «сон», больше напоминающий погружение в прошлую жизнь, а точнее в её странные, необъяснимые периоды.

В детстве Андрей собирал монеты. Старинные рубли и новые, с какими-то определёнными знаками, изображением городов, героев и т.п.

Однажды он, просматривая свою коллекцию монет, обнаружил, что что-то изменилось. У него было десять монет достоинством по 1 рублю и семь монет по 10 рублей, а теперь неожиданно оказалось, что монет по 1 рублю стало семь, а монет по 10 рублей – десять штук. Монеты были реальными на ощупь, и Андрею было интересно, кто бы мог так над ним подшутить. Мать? Но она не могла. Друзья? Но друзей с момента последней ревизии «богатства» тоже не было. Кто и зачем, вот вопрос. Мать полностью отрицала свою причастность к исчезновению монет одного достоинства и добавлению монет другого достоинства. Однако, ещё больше удивился Андрей, когда спустя два дня, порядок в коллекции снова изменился и стал как прежде. Это было очень непонятно, настолько, что врезалось в память практически на всю жизнь.

В конце концов Андрей придумал объяснение, что наша жизнь всего лишь один из вариантов, а параллельным мирам нет счёта и легко можно перейти из одного в другой, даже не заметив разницы. Только некоторые детали будут выпадать из списка...

Наконец дело дошло до первого посетителя, знавшего лично того человека, которым стал Андрей. Посетителя звали Сергей Анатольевич, он был начальником особого отдела Военно-Производственной Коммуны (ВоенПроизКом) имени товарища Преображенского.

Это произошло в один из обычных больничных дней, как раз после обеда. В палату вошёл доктор Аркадий Фёдорович и какой-то мужчина на вид 35 – 40 лет, физически крепкий, подтянутый, явно военный, хотя и был одет в гражданский костюм. Аркадий Фёдорович представил посетителя, как Сергея Анатольевича Устюгова.

Из обстоятельного рассказа этого самого Сергея Анатольевича, Андрей узнал о себе следующее. Его, оказывается, зовут Матвей Фадеевич Синцов, ему тридцать лет, родился и вырос он в Иркутске, где в 1929 году пришёл работать в органы НКВД, в Управление Революционной Безопасности или УРБ. Именно так, начиная с 1928 года, стало называться возрождённое

и очищенное от врагов ОГПУ. Работал Андрей, а точнее Матвей Фадеевич, в УРБ оперуполномоченным в экономическом отделе, как раз вместе с Сергеем Анатольевичем. В 1934 году судьба развела их. Матвей Фадеевич был переведён в Москву, в Центральный аппарат, а Сергей Анатольевич перешёл работать в особый отдел УРБ, который курировал военно-производственные коммуны, и в итоге стал начальником ОО (особого отдела) ВоенПроизКома имени тов. Преображенского.

Матвея он из виду потерял, только слышал, что Синцов был уволен из НКВД и перешёл на работу то ли в Коминтерн, то ли ещё куда. Встретились они вновь месяц назад, когда Матвей приехал из Москвы с проверкой в тот самый ВоенПроизКом, где служил Устюгов. Синцов прибыл в Иркутск, как представитель наркомата обороны по линии боевой подготовки. Три недели они довольно часто общались в перерывах между занятиями, которые Матвей проводил с коммунарами. В одно из таких занятий и произошёл тот несчастный случай, когда при преодолении полосы препятствий Матвей, не удержавшись, упал с трёхметровой высоты, в результате чего и получил травму, потеряв память.

Выслушав всю информацию о себе, Андрей, не зная, что дальше с ней делать и как вести себя с этим старым знакомым, прикинулся сильно уставшим и попросил оставить его одного. Аркадий Фёдорович немедленно поддержал его, отправив товарища Устюгова восвояси, так как больному в данной ситуации был просто необходим покой.

Андрей, или теперь скорее Матвей, лежал на кровати и пытался представить себя этим самым инструктором наркомата обороны, который настолько хорошо знает боевую подготовку, что может даже обучать других. Всё было настолько странно и непонятно, что Андрею казалось, что этот самый Сергей Анатольевич просто ошибся, приняв его за другого человека. Это сколько же должен знать Матвей Фадеевич, который за свои тридцать лет уже поработал и в органах, и у военных. Всё это казалось чем-то нереальным, не связанным с ним, с Андреем, лежащим сейчас на кровати в чужом теле.

После той знаменательной беседы, интерес Аркадия Фёдоровича к Андрею, точнее Матвею, значительно возрос. По несколько раз на дню доктор всматривался в его лицо, каждый раз уточняя, а не вспомнил ли чего из своей жизни Матвей Фадеевич. Андрей каждый раз лишь мотал в ответ головой и печально вздыхал.

Как это случилось, Андрей так и не понял, ни сразу, ни потом. Все попытки восстановить картину произошедшего успеха не имели. В один из дней он как обычно лежал на своей больничной койке, когда в голове что-то щёлкнуло, и перед глазами Андрея, на огромной скорости стали проноситься какие-то картинки, с какими-то людьми, сюжетами, сценами. Ничего из этой «пулемётной очереди» он не запомнил. Длилось это представление минут пять-шесть, после чего он провалился в уже знакомую, без сновидений чёрную бездну. А когда проснулся...

Проснулся Андрей или Матвей уже совершенно другим человеком. Точно так же, как свою собственную жизнь, теперь он знал и жизнь Матвея Синцова, и это знание не вызывало у него никакого отторжения, неприятия или конфликта. Просто память увеличилась ещё на одну личность, представляя собой, не связанный друг с другом симбиоз.

Как показали дальнейшие события, симбиоз двух совершенно разных личностей привёл к довольно интересным результатам. По сути, всегда действовала личность Матвея, но теперь она трансформировалась, приобретая новые качества и знания. По началу удивлённо, а затем с возрастающим интересом наблюдал Андрей, как, точно на автомате, включаются совершенно не свойственные ему, Андрею, модели поведения. Например, это проявилось с теми же медсёстрами. С детства непривычный к общению с противоположным полом Андрей вдруг становился просто каким-то ловеласом, раскидывающим комплименты направо и налево, заставляя сестричек хихикать и потакать его сиюминутным желаниям.

Постепенно Андрей привык к этим постоянным и очень действенным включениям другой личности, и всё само собой уравнилось. Получалось так, что Андрей как будто уступал место навыкам и умениям другой личности, оставаясь при этом именно Андреем Кузнецовым. Его желаний или усилий на это не требовалось, всё происходило автоматически, без каких-либо манипуляций. Впоследствии это стало настолько удобно, что Андрей полностью уступал место Матвею, который функционировал в этой реальности как рыба в воде, причём сильная и уверенная в себе «рыба»...

В общем, Андрею ничего не оставалось, как полностью погрузиться в память Матвея Фадеевича.

Ревизор

Матвей Фадеевич Синцов родился в Иркутске в 1907 году, и как он сам писал во всех анкетах, являлся потомственным пролетарием, что было большой редкостью. В те годы промышленности в городе практически не существовало, не считая небольших кирпичных, кожевенных, винокуренных и лесопильных производств. На одном из таких кирпичных заводиков и трудился его отец. Мать нигде не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием пятерых детей.

Жили, как водится, бедно. Двое братьев померли, не дожив и до трёх лет. Старшего, Гришу, повесили по приказу военно-полевого суда ещё в далёком 1906 году, во время первой Русской Революции. Отец и мать тоже не дожили до Советской власти и тихо умерли в нищете и беспросветности. Одна сестрёнка Галя дожила до Октябрьской революции, но погибла уже в 1919 году, когда в Иркутске свирепствовали колчаковцы.

Так уж сложилось, что из всей семьи остался только самый младший Матвей, который принял новую народную власть всей своей широкой мальчишеской душой. Трудные годы детства, боевая юность закалили характер Матвея, сделав из него настоящего бойца, верного идеям большевиков. Уже двенадцатилетним пацанёнком участвовал Матвей в революционной борьбе, исполняя роль связного подпольщиков при власти Колчака.

Затем уже в середине двадцатых годов, едва отметив своё совершеннолетие, записался в ЧОН. Два года боец Частей Особого Назначения Синцов провёл в седле, рубал шашкой, настигал пулей врагов Советской власти, выкуривал из лесов остатки белогвардейских банд. Участвовал в ликвидации разношёрстного вооруженного сброда, что терроризировал всю округу, мешая строить новую жизнь.

В 1929 году по комсомольской путёвке Матвей был направлен на работу в НКВД Сибирского края, став сначала помощником уполномоченного, а затем и оперуполномоченным экономического отдела Управления Революционной Безопасности с постоянной дислокацией в Иркутске. В те годы, после Четвёртой Пролетарской Революции, дискредитировавшие себя органы ОГПУ, были расформированы, а им на замену создано ГУРБ – Главное Управление Революционной Безопасности, которое возглавил видный чекист и соратник товарища Троцкого Блюнкин Яков Григорьевич.

Тогда, в результате тщательных и глобальных чисток чекистского аппарата, особенно остро встал вопрос кадрового голода, и Партия с Комсомолом не остались в стороне, направив в органы молодое пополнение, в которое и попал Матвей.

Работа в УРБ полностью захватила молодого и отважного ЧОНовца. Вновь Матвей находился на переднем крае, но теперь Советская власть доверила ему свою защиту не от явных врагов, а от маскирующихся оборотней, которые только и ждали момента, чтобы всадить своё ядовитое жало в ещё неокрепшее тело Революции.

Обладающий природной смекалкой и крепкой пролетарской хваткой, он как никто другой знал потаённые струны чужой души, умел разговорить любого человека, склонить к чисто-сердечному раскаянию даже матёрого врага. Эти незаменимые качества, плюс отвага и решительность сделали из товарища Синцова отличного работника ревбезопасности, настоящего профессионала в агентурно-оперативной работе.

К 1934 году на счету оперуполномоченного экономического отдела УРБ было свыше десяти разоблачённых вредительских групп, которые по заданиям иностранных разведок и белогвардейских заграничных центров устраивали диверсии на предприятиях Восточно-Сибирского края. Были выявлены и разоблачены порядка 40 сталинистов, окопавшихся на фабриках и заводах края и притворявшихся честными работниками.

Так что когда в конце 1934 года Матвей Фадеевич Синцов был отозван в распоряжение центрального аппарата ГУРБ НКВД СССР, то он воспринял этот приказ как должное и был готов продолжить борьбу с врагами народа уже в столице Мировой Революции или в любом другом месте, если прикажет Партия. Может даже отправят работать по линии Коминтерна, думалось Матвею, но, как обычно бывает, всё произошло совершенно не так, как мечталось.

По приезду в Москву Матвей был вызван на беседу к товарищу Ежову, председателю Комиссии Партийного Контроля (КПК) при ЦК ВКП(б).

Войдя в кабинет председателя КПК, Матвей увидел сидящего за столом человека с широким открытым лбом, густой шевелюрой, зачёсанной назад и пронзительными глазами, которые как рентгеном просветили всю его внутреннюю суть. Так, по крайней мере, показалось Матвею, впервые увидевшему товарища Ежова.

Увидев вошедшего, Ежов встал и направился напрямиком к Матвею, застывшему у входной двери. Подошёл, сжал в приветствии обе руки.

– Ну, здравствуй, товарищ Синцов, давно тебя поджидаю, как добрался, как здоровье?

– Здравия желаю, товарищ Ежов, добрался хорошо, здоровье отменное, готов к любому заданию Партии, – отрапортовал Матвей, удивившись, что при таком маленьком росте Ежов обладает чрезвычайно сильными руками.

– Проходи, Матвей Фадеевич, закуривай, да расскажи, как наши доблестные органы борются с контрреволюцией в Восточно-Сибирском крае. Крепко врагов громите?

– Крепко, товарищ Ежов, осознаём всю чрезвычайную ответственность перед Партией и Мировой Революцией.

– Знаю-знаю, навёл справки о тебе Синцов, потому и вызвал к себе. Хочу предложить тебе новую, очень важную и крайне необходимую работу. Ты, давай не стесняйся, закуривай, устраивайся поудобнее, разговор у нас с тобой будет долгим.

– Так точно, товарищ Ежов, готов на любое задание.

– Ну, вот что, хватит тут козырять, давай спокойно, по– домашнему поговорим. Меня называй по имени отчеству – Николай Иванович, договорились?

– Так точно, ну то есть, конечно, Николай Иванович.

– Ну и отлично, скажи мне Матвей Фадеевич, что ты знаешь о Комиссии Партийного Контроля.

– Ну, Комиссия Партийного Контроля следит за тем, как выполняются директивы Партии, как соблюдается Устав Партии, организует чистки в Партии, разбирает персональные дела «перерожденцев», морально разложившихся коммунистов.

– Да, правильно и ещё многим другим, но сейчас не об этом. Одна из основных задач КПК это борьба с бюрократией, с недопущением очередного термидора, понимаешь. Революция двадцать седьмого года произошла потому, что партийный и государственный аппарат к тому времени, развращённый политикой эпигонов Сталина, превратился в махровую советскую бюрократию. Превратился в махровую контрреволюцию и чуть не погубил всё то, ради чего умирали наши товарищи.

– Понимаю, Николай Иванович.

– Если бы не решительность товарища Троцкого и его соратников, то ещё год-два и Революции бы пришёл конец, понимаешь? Всё бы уже закончилось, ничего бы уже не было, все завоевания Октября, все устремления к Мировой Революции и коммунизму сошли бы на нет. СССР представляло бы из себя не временное государство, с опять же временной диктатурой пролетариата, не оплот мирового рабочего движения, а обычное государство, то есть аппарат подавления и угнетения.

– Понимаю.

– Так вот, любой Революции всегда угрожают враги. Есть враги внешние – это империалисты других стран, есть враги внутренние – это старые хозяева, помещики, капиталисты, их слуги и пособники. Есть националисты всех мастей, кулаки, прочие силы реакции. Есть, в конце концов, сталинисты не разделяющие идеи Перманентной Революции. Врагов множество и, если Революция не хочет погибнуть, она должна защитить себя. От одних врагов защищает наша народная армия, от других НКВД. Но есть ещё самый страшный и коварный враг.

– Кто?

– А ты ещё не понял? Это бюрократия! Это самая опасная контрреволюция, потому что бюрократ – это тот же партийный работник, тот же государственный деятель, ратующий за Мировую Революцию, говорящий правильные слова, а на деле... В своей чёрной душе он уже давно переродился из некогда пламенного революционера в старорежимного барина и кровопийцу. Получив власть, он не использует её во благо Революции. Он желает жить в роскоши, окружая себя прислужниками и подхалимами, которые кормятся с его барского стола. Им нет дела ни до Революции, ни до простого народа, который всё ещё не доедает, но на котором всё держится. И больше всего такой барчук боится потерять эту власть. Ведь, потеряв власть, он лишается и тех привилегий, к которым привык, и той роскоши, и того почитания.

– И этот новый барин начинает окружать себя всё новыми бюрократами, которые словно сторожевые псы охраняют его власть, не считаясь при этом ни с чем, попирая все наши революционные идеалы. Ты, как работник органов, наверняка знаешь, как у нас порой попирается принцип выборности, когда выборы того или иного начальника становятся пустой формальностью, когда все голосующие заранее знают, за кого нужно голосовать. Когда голосование «против», может отразиться на их дальнейшей карьере, когда многие просто боятся сказать «нет» начальству.

– Бюрократия как может защищает себя и свою власть, ради этой власти она готова на всё, даже на самое гнусное преступление. Связанные круговой порукой, бюрократы пойдут на любой подлог, на любую подлость. И одно дело, когда таким барчуком становится какой-нибудь зарвавшийся небольшой начальничек, которого рано или поздно прижмут за одно место, либо Партия, либо органы. Другое дело, если таким барином стал первый секретарь обкома или крайкома.

– Да разве такое возможно?!

– К сожалению, всё возможно. Если барином станет первый секретарь, то такой удельный князь будет обладать своей армией, своим НКВД. Бюрократию такого масштаба свалить не просто. Круговая порука такого уровня способна на многое. Вот этим тебе и придётся заниматься на новом месте...

Так Матвей Фадеевич Синцов стал тайным ревизором особо секретного спецотдела КПК при ЦК ВКП(б). Как объяснил ему Ежов, данный отдел был создан по личному указанию товарища Троцкого и представлял собой закрытую немногочисленную структуру, о целях и задачах которой знали лишь члены Политбюро.

Ревизоры отдела работали по двум направлениям. Первое направление включало в себя периодические плановые агентурно-разведывательные мероприятия в отношении высшего партийного руководства республик, краёв, областей. Второе направление включало те же мероприятия, но уже по поручению Политбюро, что определялось, как правило, поступающими в ЦК жалобами трудящихся на того или иного высшего партийного руководителя.

19 апреля 1937 года в кабинет товарища Ежова вошёл ревизор спецотдела КПК при ЦК ВКП(б) Синцов Матвей Фадеевич.

– А, это уже ты. Ну, давай заходи, кури на вот мои, в ЦК угостили, американские, умеют сволочи папиросы делать.

Ежов был настроен благодушно, что тут же отметил про себя Синцов.

– Я, как только получил вызов, сразу к Вам прибыл.

– Молодец, шустрый ты, Синцов, все бы такие были, коммунизм бы давно построили, – пошутил Ежов.

– Был вчера на приеме у Самого! Что сказать, товарищ Троцкий очень доволен работой нашего спецотдела, так и сказал: «Лучших спецов ты у себя собрал, товарищ Ежов».

– Да так и есть, Николай Иванович.

– Знаю-знаю, что так и есть, ну и, конечно, не слова красивые сказать вызывал, а по делу.

– Да уж, догадался я.

– Хорошо, что догадался, а что исполнителем ты будешь, тоже надеюсь ясно.

– Конечно, Николай Иванович, готов к любому заданию.

– А задание на сей раз будет очень ответственным. Нас интересует первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома товарищ Горовой Борис Алексеевич. Знаешь такого?

– Слышал, конечно, всё же в родном моём городе командует.

– Вот именно, что в родном, потому тебя и хочу послать.

– Понятно, готов, хоть завтра.

– Не всё так просто, видишь ли. Этот Горовой, если ты помнишь, старый, проверенный ленинец-троцкист, лично знавший и товарища Ленина, и товарища Троцкого. Мало того, в двадцать шестом спас самого Льва Давидовича от смерти, когда сталинисты хотели обезглавить левую оппозицию. Так что у товарища Троцкого к нему весьма тёплые чувства, и обычных сведений ему маловато будет. Каким-то образом до вождя дошла информация, что этот Горовой перерожденец, что свил там, на вашей иркутской земле, гнездо вражеское, что всё руководство местное там повязано.

– Понятно.

– Понятно – то, понятно, но товарищ Троцкий в это сильно не хочет верить, понимаешь? Так что, если эта информация подтвердится, то какова будет его реакция на наш доклад, мне неизвестно. Хорошо, если окажется, что всё это клевета, а если нет? Поэтому, доказательная база нужна более вещественная, что ли. Лучше привести человека из его окружения, который может всё рассказать самому товарищу Троцкому, но это должен быть настоящий человек. Что ещё? Возможно какие-то фотографии, может записи разговоров. Нужно как-то проникнуть в это логово, а это сделать ой как не просто.

Ежов вышел из-за стола, подошёл к сейфу, из которого достал три объёмных папки.

– Здесь фотографии товарища Горового и его окружения. Оказалось, что он не чужд людским слабостям и очень любит фотографироваться. Вот мы и добыли его фотографии, здесь очень много всего, всё его окружение, все его близкие и родные.

– Так ведь приказ только вчера получили? А откуда уже фотографии?

– Ну, если правду говорить, то вопрос по Горовому товарищ Троцкий поднимал ещё до последнего пленума. Просил собрать там общую информацию, но без конкретики. Вот мы и постарались. У Горового свой постоянный фотограф есть, который его везде сопровождает, так мы этого фотографа под видом воров прошерстили и нашли в квартире тайник. Он, шельмец, оказывается, негативы плёнок за чем-то в тайник прятал, а не уничтожал, как положено по инструкции. Вот нам его хитрожопость и сыграла на руку.

– А кто работал?

– Не наши, это по агентурным связям.

– А что этот человек не может просветить то, что нас интересует?

– Нет, конечно, он далёк от власти, но контакт я тебе дам, можешь его использовать. Теперь по фотографиям. Просмотри всё и составь список тех, кого, возможно, знаешь. Даю тебе целых два дня, потом со списком и фотографиями ко мне. Да, там, на фотографиях есть

люди, помеченные крестиком. Это значит, что их либо нет в живых, либо арестованы, как враги народа. Всё, иди, работай, жду в среду...

Работа с фотографиями принесла свои плоды. На них Матвей признал несколько человек, но часть была уже помечена крестиками, а из находящихся в строю, интересен оказался только один человек, на которого и решили делать ставку. Судя по многочисленным снимкам, этот старый знакомый был весьма близок с Горовым: вот они на охоте, а вот на рыбалке, а вот за столом, ещё за столом, вот на стрельбище, и ещё, и ещё. Этим человеком был бывший сослуживец по НКВД Устюгов Сергей. С ним Матвея связывали дружеские отношения, по крайней мере, так было до тридцать четвёртого года, пока Синцова не отозвали в Москву. Тут же навели справки и выяснили, что Устюгов по-прежнему в штате УРБ НКВД Восточно-Сибирского края и возглавляет особый отдел ВоенПроизКома имени тов. Преображенского.

Военно-Производственная Коммуна имени товарища Преображенского была сформирована на основе заводов тяжёлого машиностроения имени тов. Смилги, авиационного – имени тов. Троцкого и десятка полтора других, более мелких промышленных предприятий. В коммуне состояло около пяти тысяч работников заводов и фабрик, как правило, молодых мужчин и женщин, до тридцати лет. Как и в любой другой коммуне, коммунары вместе жили, работали и усиленно готовились к будущим войнам, уделяя большое внимание боевой и стрелковой подготовке. По сути, коммуна представляла собой, практически, полноценную дивизию, по типу территориально-милиционной армии.

На этом и решили строить легенду. Матвей, по документам инструктор наркомата обороны, должен был прибыть в коммуну с инспекторской проверкой. Помимо инспектирования он готовился проводить обучение коммунаров тактике ведения боя, стрелковому делу и приёмам самбо. Такая практическая командировка должна была быть длительной, что давало возможность Синцову находиться в коммуне два-три месяца, не вызывая никаких подозрений. За это время он должен был определить, кто такой первый секретарь – перерожденец или верный делу Мировой Революции ленинец-троцкист.

А для этого было необходимо войти в ближний круг товарища Горового. Вот здесь и должен был помочь старый знакомец Матвея – Сергей Устюгов. Причём, должен был помочь либо добровольно, по собственному желанию, либо планировалась использовать его втёмную. Всё зависело от того, насколько он замаран сам и как воспримет возможную вербовку. В идеале было бы сделать из него агента, действующего не за страх, а за совесть и, при необходимости, использовать его потом как источник информации для непосредственного допроса товарищем Троцким. Всё в данной ситуации зависело от Матвея.

Учитывая особую важность задания, легендирование проводилось на самом высшем уровне. Матвей Синцов был включён в штат наркомата обороны. В начале мая нарком обороны товарищ Тухачевский издал соответствующий приказ, согласно которому десятки настоящих инструкторов поехали в различные коммуны по всему Советскому Союзу проводить инспектирование и оказывать практическую помощь. Так что командировка Синцова была обоснована и выдержала бы любую проверку со стороны.

17 мая 1937 года город Иркутск встречал Матвея Фадеевича. Встречал приветливо: ласковое весеннее солнце согревало уже скинувших с себя тёплую одежду прохожих, от чего их лица были приветливы и благодушны. Матвей в военной форме инструктора брёл по родному городу, в котором не был без малого три года, осматривая вроде не изменившиеся, но какие-то другие здания центральных улиц. Прогулявшись по центру, надышавшись, как следует родным иркутским воздухом, Матвей направился в коммуну. ВоенПроизКом имени тов. Преображенского располагался по улице 1-й Советской, на территории бывшего царского военного училища и соседствовал с 4-ой Иркутской военной авиационной школой авиамехаников.

Прибыв в коммуну, Синцов, миновав проходную, направился искать председателя Илларионова, которого обнаружил там же, рядом с проходной. Василий Николаевич оказался невысоким, чуть полноватым мужчиной, на вид лет сорока-сорока пяти. Как принято, был одет в полувоенную форму, без каких-либо знаков различия, на ногах сверкали начищенные сапоги.

Доложившись по всей форме и, предъявив командировочные документы, Матвей рассказал вкратце о своих планах и, по предложению председателя, отправился вместе с ним осматривать коммуну.

ВоенПроизКом имени тов. Преображенского была одна из самых больших и передовых коммун в Восточно-Сибирском крае. Располагалась коммуна на закрытой огороженной территории. Доступ посторонних на территорию был несколько ограничен. Как пояснил председатель, происходил строго по записи – на проходной дежурный фиксировал посетителей в специальный журнал. Сами коммунары входили и выходили беспрепятственно, предъявляя специальные пропуска.

Проживали коммунары в общежитиях казарменного типа, по десять человек в кубрике. Таких кубриков в одном здании общежития насчитывалось пятнадцать. По пять на первом, втором и третьем этажах. На каждом этаже присутствовали туалет, душ и небольшая общая кухня. Проживали в общежитиях по принципу работы на одном предприятии.

На территории ВоенПроизКома находился свой детский дом, где жили дети, рождённые в коммуне. Клуб, магазин, парикмахерская, две общих столовых, стадион, спортивные залы, свой автопарк, общежитие для молодых семей и другие объекты обеспечивали автономную жизнь коммунаров. Обслуживающий персонал жил также в основном на территории ВоенПроизКома.

– Вот, – рассказывал председатель, – Здесь мы и живём. На работу коммунаров развозит наш же автопарк. Питаются в столовых, кому не хватило, могут взять в нашем же магазине. Здесь же у нас стираются, стригутся, моются. Всё есть, и танцы бывают, и кино крутим, и кружки разные есть. Само собой спортивная и боевая подготовка, это у нас хорошо поставлено. Оружейная своя, тир, полоса препятствий, сам всё увидишь.

– Понятно, а подскажи Василий Николаевич, в магазине-то всё купить можно или только обязательный минимум? – задал вопрос с намёком Матвей.

– В коммуне, как ты понимаешь, полностью отсутствует денежный оборот. В магазине тоже всё по спецталонам, а так всё, что надо для жизни, всё есть, – не заметил намёка Илларионов, – Тебе, как временному члену коммуны, тоже выдадим талоны.

– А как у вас тут поставлено с порядком? Бузотёры есть, кражи случаются?

– Нет, у нас тут тихо в этом плане. Выпивать народ, конечно, выпивает, кто же запретит. Но всё в меру стараются. А если кто и переберёт, бывали такие случаи, то его на следующий день так пропесочат в стенгазете коммунарской, что одним махом всё желание выпить отшибает. А за порядком у нас следят: патруль свой есть, коммунары по очереди дежурят. Опять же особый отдел здесь есть, они шпионов и врагов отлавливают. Да и вообще, народ у нас по большей части ответственный, комсомолцы как-никак, понимание имеют.

Матвей с председателем подошли к плацу, здесь же находилось трёхэтажное кирпичное здание с вывеской «Штаб». Рядом стояли отлитые из бронзы фигуры – символы Мировой Революции – Ленин и Троцкий. Владимир Ильич стоял, широко расставив ноги, вытянув правую руку вперёд. Лев Давидович, закинув руки за спину, задумчиво смотрел вперёд, куда в светлое будущее указывал Ленин.

– Здесь у нас штаб коммуны, пойдём, оформим тебя, а там уже отведу в общежитие, отдыхать. А завтра уже с утра и приступишь.

– Хорошо, договорились, а куда на постой определишь?

– В общежитие для молодых семей, там как раз свободных комнат достаточно.

– Это что же, молодые семьи в коммуне отсутствуют?

– Да нет, конечно, присутствуют, но понимаешь какая штука. Вот женятся вроде, мы им комнату выделяем, так они проживут недели три-четыре, натешатся, как говорится, сыграют свой медовый месяц и всё, назад в казарму просятся, там ведь настоящие друзья – товарищи.

– А как же супружеский долг? Детей же, как я понял, рожают.

– Рожают, а как же, но это дело-то нехитрое, пришли вон в общежитие на час-два, сделали дело и в казарму, к своим.

– А как же дети, воспитание?

– А детей коммуна воспитывает, новых людей делаем, бойцов Мировой Революции. Так что можно сказать, что староукладная жизнь в коммуне отсутствует полностью. Не о своём думаем, о мировом. В коммунизм ведь идём, а там семьи не будет, там будет полностью свободная личность, не отягощённая разными бытовыми оковами.

– Да, интересно у вас, можно сказать уже в будущем живёте.

– Не без этого... Вот здесь у нас распределительный отдел, бухгалтерия, секретариат, здесь особый отдела размещается, – показывал на двери председатель.

В этот момент дверь особого отдела открылась, и из неё вышел мужчина в форме работника УРБ НКВД. Присмотревшись, Матвей понял, что это Устюгов.

– Серёжа?! Ты?! Откуда здесь?! – изображая радостное удивление, воскликнул Синцов.

– Матвей?! Не может быть! – обрадованно закричал Устюгов и ринулся в объятия Синцова.

Вволю наобнимавшись и нахлопавшись друг друга по спине, старые друзья утихомирились, и Устюгов пояснил недоумевающему председателю:

– Друг это мой, Матвей, вместе в НКВД служили, до тридцать четвёртого года. Где же тебя носило-то? – уже обращаясь к Синцову, спросил Сергей Устюгов.

– Приехал вот сюда с проверкой и практической помощью. Я же теперь в наркомате обороны работаю, инструктором боевой подготовки. А, ты, что же получается, здесь теперь служишь?

– Здесь, здесь в особом отделе. Николаич, ты друга моего, куда поселить решил? – обращаясь к председателю, спросил Устюгов.

– Так куда, известно куда, в общежитие для молодых.

– Ты давай на третий этаж, в угловую комнату, подальше от туалета. Там как раз тишина и покой, охов-вздохов не слышно, – как лось заржал Устюгов на пару с председателем.

– Ну вот и договорились, а вечером я к тебе, Матвей, зайду, посидим, покалякаем. А сейчас, извини, брат, дела, – и, помахав рукой, Сергей удалился.

– А ты что же, Матвей Фадеевич, выходит, отсюда сам, с Иркутска? – спросил председатель, – Что же сразу не сказал? А семья здесь?

– Семьи нет, все при Николашке померли, одна сестрёнка Революцию увидела, да и та при Колчаке сгинула, погибла, стало быть.

– Да-а-а, ну извини, не знал.

– А не сказал, не знаю, повода не было, да и какая разница, сейчас-то ведь в Москве работаю. Иркутска, почитай, три года не видел, забыл уже всё, – отшутился Матвей.

– Может ты и прав, ну пойдём регистрироваться, пару фотографий в честь приезда, и можно в общежитие...

Матвей готовился к встрече Устюгова. Нарезая привезённый из Москвы наркоматовский паёк, он усиленно размышлял:

«Встреча вроде прошла хорошо, без наигранности, я вроде не сплеховал, отыграл вчистую, комар носа не подточит. Сергей, на мой взгляд, был искренен, обрадовался меня увидев. Или всё же хорошая игра, я ведь играл. Да нет, вряд ли, я-то знал, с кем встречусь, а он нет, для него это было неожиданно. А если знал? Да нет, откуда, хотя почему не знал. Ведь могли из

Москвы сообщить по линии ревбезопасности, что, мол, прибывает в командировку инструктор наркомата обороны, некий Синцов Матвей Фадеевич. Тогда зачем такая наигранность? Да, могли сообщить, а могли и не сообщать, или ещё могли сообщить, не называя фамилии. Всё могло быть.

Как теперь вести себя? Как-как, для начала выпить рассказать о себе, в смысле легенду, расспросить его. Хорошо бы фотографии принёс показать, если так и сделает, то можно начать прокачивать по первому лицу. А если не принесёт? Тогда незаметно напроситься в гости, там -то уж точно покажет. В любом случае, Горовым следует интересоваться, только если это не вызовет даже малейшего подозрения. Да, ставки слишком высоки».

Устюгов появился около восьми вечера. Пришёл не с пустыми рукавами, с собой была бутылка водки, сало, лук, хлеб, селёдка. «Да не густо, паёк -то у них, видать, простой, не наш наркоматовский», – обрадовался Матвей. Пока его старый товарищ не походил на бюрократа-перерожденца. Достав свои столичные изыски, Матвей вызвал неподдельное восхищение у Сергея, который, потирая руки, заговорил об удачливой избранности московских товарищей. При этом в словах его не было ни грамма зависти или враждебности, что ещё больше успокоило Матвея.

Друзья приступили к трапезе и часа два болтали, перебивая друг друга, вспоминая прошлое и рассказывая о себе.

– Вот так я с тридцать четвёртого и работаю здесь в коммуне. Как ты в Москву перебрался, так я сюда. А про тебя, Матвей, говорили, что из органов попёрли, я уж грешным делом подумывал, а не враг ли ты оказался. Ты уж меня строго не суди за это, хорошо, что не враг.

– Да нет, враки всё это. Никто меня никуда не гнал. Поработал я в центральном аппарате, да не понравилось, если честно. Нету там той свободы действия, всё как под микроскопом, а чуть что и сам понимаешь... А тут как раз набирали инструкторов, чтоб и боевой опыт был, и рукопашная подготовка, и стрельба. Чтоб и по линии Коминтерна работать могли, и здесь, дома. А ты же мой опыт ЧОНа знаешь, ну и предложили. А что, работа интересная, командировки, не скажу куда, но... понимать должен. Да что я о себе, ты-то как здесь? Поди, не работа, а сплошной отдых?

– Брось ты, Матвей, какой отдых? Ты что, наоборот один геморрой, с этой коммуной. Людей ведь новых воспитывают. А для чего? Для Мировой Революции. И как ты думаешь, наши враги будут на это спокойно смотреть? Ты не представляешь, сколько я здесь уже всякой швали отловил. Месяца не проходит без задержаний: то шпиона внедрят, то сталинисты недобитые пропаганду вражескую ведут. То урки под видом пролетариев заселяются, чтоб значит, баб коммунарских оприходовать, да под шумок магазин или оружейку вынести. А недавно вообще церковников-сектантов прижал, развели здесь агитацию, понимаешь.

– А как коммунары к этому всему? Неужели клюют?

– А коммунары они что, молодые же, вот их то в одну крайность, то в другую тянет. А я выпутывай их. Они, значит, рыло своё везде, где не надо суют, а я их вытаскивай, людей этих новых. Суки они. Не все конечно, но... Хватит, Матвей, не наступай на мозоль больную. Давай лучше фотографии покажу, принёс я тут, погляди, как живу.

Пока рассматривали фотографии, Матвей в очередной раз оценил, что Устюгов остался таким же, как раньше, рубаха-парнем, даже сейчас в беседе допускал крамольные высказывания про коммунаров. «Значит, не боится меня, принимает за своего, это хорошо, доверие это главное, так дальше пойдёт, можно подумать о добровольной вербовке», – довольный собой размышлял Матвей, рассматривая очередную фотографию.

Примерно ещё через двадцать минут просмотра, настроение Матвея начало меняться в противоположную сторону. До него, наконец, стало доходить, что с фотографиями что-то не то. Нет, фотографии были обычными, но вот ни на одной из них не было Горового. Была

и ещё одна странность, ни на одном фото Матвей не обнаружил заскобленное лезвием лицо. «Что это среди массы знакомых не оказалось ни одного врага народа? Или ты их не считаешь врагами, поэтому и не ретушируешь?» – думал Матвей. Первое положительное впечатление об Устюгове начало улетучиваться. Синцов стал подозревать нехорошее.

«С вербовкой придётся повременить, но надо прояснить, почему нет фото Горового. Умысел это или случайность?», – так думал Матвей, вспоминая обилие фотографий, где Устюгов был рядом с Горовым.

– А что Серёжа, ты же у нас парень одинокий, а как отдыхаешь? – начал издали Матвей.

– Ты, если про девок, то не думай, я же на виду, власти нашей Советской представитель. Но если интересуешься, по дружбе могу наколку дать. Домик в предместье Рабочем, на Баррикад ещё работает, никак закрыть не могут или не хотят. Там Марьяна всем заправляет, да ты знаешь же её, давно она этим делом промышляет.

– Да не об этом я, ты что, с дуба рухнул? – ответил Матвей, а сам подумал, вот ведь Мировая Революция, коммуны, а рядом, пожалуйста, дом терпимости, который никак закрыть не могут, да и сам-то район ещё тот, бандиты и жулики всех мастей, ночью даже милиция по одному не ходит.

– А о чём же тогда?

– Охота, рыбалка разве не отдых? Мне вот в Москве очень этого не хватает. Никак вырваться не могу.

– Так и мне особо времени-то нет, всё работа. Да и если я по охотам, да рыбалкам ходить начну, кто же тогда врагов ловить будет? – отшутился Устюгов.

– А как с начальством у тебя? Ладите?

– А что мне с ним ладить-то, где я и где начальство, у них свои заботы, у меня работа конкретная. Справляюсь я неплохо, результаты хорошие, в ударниках хожу, но не более того, с командирами не столуюсь.

– А кто у вас сейчас НКВД командует?

– Зириин Мирон Савельевич, в тридцать пятом из ГУРБ пришёл, там он в секретно-политическом работал. Особым отделом Иванов командует, ты его не знаешь, он Зирина человек.

– В тридцать пятом? Это тогда же первый секретарь крайкома поменялся? Горовой же у вас теперь? Как он тебе?

– Да, Горовой, нормальный мужик, настоящий коммунист, троцкист, короче уважаемый человек, он в конце тридцать четвёртого пришёл.

– Общался с ним? Говорят, он с самим Троцким вместе на бронепоезде ездил во время Гражданской.

– Не знаю, не общался. Да и кто меня к Горовому подпустит, у него охрана, человек он занятой. Видел его вблизи разок, когда он в коммуну приезжал.

– Да, у начальства своя жизнь, ну что сидим? Давай наливай, выпьем ещё по маленькой.

– Ну, давай, Матвей Фадеич, за тебя, пусть твоя командировка удачной будет. А про Марьянку на ус намотай, всё-таки надолго приехал, а бабы наши коммунарские обхождение любят, с ними надо попотеть, чтобы в койку-то уложить.

– Хорошо, наматаю, ладно, Сергей, закругляться пора, завтра на работу с утра и мне, и тебе. А ещё проветрить надо бы, а то накурили так, что хоть топор вешай. Так что ещё по одной и спать...

После ухода Устюгова Матвей сидел в глубокой задумчивости.

«Как же так, – думал он, – неужели Сергей оказался замаранным. Почему он так отрицает близкое знакомство с Горовым и с тем же Зириным, ведь если судить по добытым фотографиям они все в одной связке, в одной компании. Нечисто здесь получается. Нужно что-то думать. Кстати, почему он мне так настойчиво на Марьянку намекал? А если я клону и

пойду к проституткам, а тут, например, облава милицейская и вот представитель наркомата обороны, коммунист, застукан в гнезде разврата. Я бы сказал, что лучше материала для вербовки и представить нельзя. А может это и есть тот вариант, попробую-ка я подставиться под эту вербовку, если, конечно, я прав»...

Следующие четыре дня Матвей полностью отдался работе с коммунарами. Эта работа увлекала и притягивала. Своей молодостью, задором и готовностью к борьбе молодые юноши и девушки заражали Синцова, вели его за собой в каком-то живом, неутомимом потоке, где энергия хлестала через край, где рушилось патриархальное, устаревшее, но рождалось новое, полное жизни и силы.

Матвей не кривил душой, да и это временное погружение в легенду было необходимо, чтобы наблюдающий за ним исподтишка враг, поверил, потерял бдительность. По крайней мере так интуитивно чувствовал Синцов. Дни пролетали один за другим, насыщенные и полезные. Коммунары узнавали много нового, показывали себя, учились у инструктора. Стрельба, приёмы самбо, тактические приёмы ведения боя в условиях города, леса, ограниченного пространства...

Молодые парни и девушки с жадностью впитывали новые знания, так необходимые им в будущем, когда Мировая Революция призовет их в свои ряды. Когда они, не щадя своей жизни, понесут пламя революционной борьбы, когда будут гибнуть в борьбе с проклятым империализмом, с реакционными кругами западных стран, угнетающих своих рабочих и крестьян. Не раз и не два молодые коммунары задавали вопросы инструктору и с напряжённым вниманием слушали его ответы, высказывали свои убеждения.

– А скажите, товарищ инструктор, будет война с Германией или нет?

– С Германией – никогда, а вот с фашистами, захватившими там власть, вполне возможно. Вы посмотрите, как Гитлер наращивает боевую мощь, как вся немецкая промышленность перешла на рельсы милитаризации. Готовятся они к войне, явно готовятся.

– Но мы же победим, наша рабоче-крестьянская армия самая сильная в мире! А мы территориальная народная армия, мы тоже многое знаем и умеем, а уж отваги нам не занимать. Да и пролетариат немецкий... не останется же он в стороне, если Гитлер на нас нападет.

– Не должен остаться, на то он и пролетариат. А в Германии, если помните историю революционной борьбы, рабочие всегда повышенной сознательностью обладали, – отвечал Синцов, – Но продали их социал-демократы, погубили в двадцать третьем немецкую революцию.

– А сейчас, – продолжал Матвей, – национал-социалисты запудрили им мозги, обманывают рабочих фашисты, представили они пролетариату другого врага – евреев. А кто истинный, настоящий враг рабочих?

– Известно кто, империалисты, капиталисты, фабриканты всех мастей, все, кто забрал в свои руки средства производства, кто использует наёмный труд и заставляет рабочих вкалывать за гроши, кто наваривается на рабском труде, извлекая сверхприбыли и богатея с каждым днём.

– Молодцы, ребята, сразу видно, что политзанятия не пропускаете, что серьёзно относитесь к политической подготовке.

– Конечно, мы же понимаем свою ответственность перед Мировой Революцией.

– С такими орлами мы к Коммунизму с каждым днём всё ближе. А кто ещё тормозит нас, кто ещё является врагом нашего светлого будущего? Империалистов и прочих буржуев вы называли, а кто ещё?

– Бандиты, воры, убийцы.

– Церковники, сектанты всякие.

– Нэпманы недобитые, кулаки.

– Всякая белогвардейская сволочь.

– Сталинисты, вредители, шпионы.

– Бюрократия, перерожденцы.

– Да, всё правильно, все эти враги ещё есть, ещё не всех раскрыли наши доблестные органы. Я вот тоже, бывший наркомвнуделец, и не понаслышке знаю, что значит выявить замаскировавшегося врага. Вот так спрячется эта гнида среди рабочих на фабрике и вредит исподтишка, подленько так. Сам слова правильные на собраниях говорит, партийный билет под сердцем носит, а как не видит никто, то гадить начинает. Подкинет стружку металлическую в масло двигателя станка, а в результате авария, срыв плана, жертвы среди невинных людей.

– Давить этих сволочей надо!

– Согласен, давить, но как ты их определишь, как выявишь, они же плакаты не носят, типа я вредитель и враг народа.

– А как же их тогда вычислить-то?

– Вычисляют, на то они и органы, есть способы. Но самым главным я считаю, связь ревбезопасности и пролетариата. Нельзя быть равнодушным в наше время, нельзя быть успокоенным. Помнить, что враг не дремлет, – это ваша и обязанность и долг. Долг перед Партией, долг перед Мировой Революцией. Заметили что-то не то, что-то не так, не поленитесь, сообщите в особый отдел. Там люди знающие, они во всём разберутся. А если, вдруг, ошибётесь, не беда, бдительность лишней не бывает.

– Да мы завсегда, если видим, что инженер какой работу тормозит, мы и в партком, и в нашу комсомольскую ячейку всегда сообщаем. Были же уже случаи, когда вредителей на чистую воду мы выводили и на заводе, и даже здесь, в коммуне...

В субботу Синцов решил, что пора действовать и после обеда вышел за пределы коммуны, уже в гражданской, неприметной одежде. Погуляв по городу, посетив музей, полюбовавшись на красавицу Ангару, Матвей обнаружил, что его «вели». «Вели» очень осторожно и профессионально, не будь он в полной боевой готовности, вряд ли распознал бы слежку. Обнаруженное наблюдение подтверждало его подозрения и по Устюгову, и по Горовому. Вряд ли Зирин по собственной инициативе дал бы команду вести разработку московского инструктора.

Далее путь Матвея Фадеича лежал в предместье Рабочее, в подпольный публичный дом, где всем заправляла Марьяна, женщина во всех отношениях сильная и властная, державшая своих подопечных в строгости, но никогда не злоупотреблявшая своей властью, решавшая всё по справедливости. О Марьяне Синцов знал давно, ещё в период работы в УРБ. Знал он также и то, что Марьяна была осведомителем в управлении ревбезопасности, что и дало ей возможность заниматься своим криминальным промыслом до сих пор.

Марьяна встретила Матвея приветливо, даже чересчур приветливо, что не мог не отметить Синцов. «Переигрывает, однако, – подумал он, – Ну, ладно, подыграем». Предложила свою лучшую воспитанницу, с которой Матвей и удалился в комнату. Там Василиса, так звали девушку, предложила выпить по рюмочке коньяку, за знакомство и, очаровывая Синцова своими едва прикрытыми прелестями, завела неторопливый разговор о делах житейских. Через пять минут неторопливой речи, Матвей почувствовал, что начала кружится голова.

«Вот оно, началось...» – успел подумать Матвей и провалился в чёрную пустоту.

Когда чернота небытия расступилась, впуслав звуки и свет, Матвей осознал, что он ещё жив и находится в больничной палате. По крайней мере, об этом говорила окружающая обстановка, специфические запахи и доктор в медицинском халате, склонившийся над ним.

– Ну-с, мил человек, очнулся. Как себя чувствуете, где болит? – поинтересовался доктор,

– Меня, кстати, Аркадий Фёдорович зовут, ваш лечащий врач.

– Матвей Синцов я, здравствуйте, доктор, что со мной? Голова болит, да ломает всего, – ответил Матвей.

– Что-что, отравили Вас чем-то, пьёте всякую гадость, да ещё в таких местах, – осуждающе ответил доктор.

– В каких местах? – машинально спросил Матвей.

– Что всю память отшибло? Как записано в анамнезе: доставлен в бессознательном состоянии из подпольного публичного дома, где предположительно был отравлен проституткой. Задержанная, гражданка Куликова Василиса, показала, что подлила в коньяк какую-то бесцветную жидкость, принятую последней за снотворное, которую приобрела у неизвестных лиц, – прочитал доктор.

– Так что отравили Вас, гражданин..., – Аркадий Фёдорович, вновь углубился в записи, – ...Синцов, неизвестным химическим препаратом. Но всё позади, опасность для здоровья миновала, сегодня отлежитесь, а завтра всё на работу, Вас и так заждались.

– А что сегодня за день?

– Сегодня понедельник, двадцать четвёртое мая, ну всё готовьтесь к процедурам, надо ещё всю заразу из Вас вывести...

Во вторник в первой половине дня Матвей прибыл в коммуну. Голова всё ещё была тяжёлой, и немного подташнивало. В штабе коммуны его уже ждали. В кабинете особого отдела помимо Устюгова сидели два человека, представившихся работниками уголовного розыска местного районного отдела НКВД.

Увидев Матвея, Устюгов утянул его тут же в коридор, оставив милиционеров за дверью в своём кабинете.

– Что случилось, Матвей? – взволнованно спросил Устюгов.

– Да, что-то, сходил к Марьянке, как ты советовал, – усмехнувшись, ответил Синцов.

– Не может быть, – удивлённо ахнул Устюгов, – мне сказали, что отравила проститутка, но чтобы у Марьяны, она же на нас, на ревбезопасность работает. Как такое может быть? Я тебе её советовал, думал, тут уж не будет никаких сюрпризов.

– А тебя не смутило, что она на меня донести бы могла?

– Да брось ты, откуда она узнала бы, кто ты? К ней полгорода ходит, потихоньку конечно.

И у всех всё нормально, а тут...

– Ну-ну, может, ты и прав, конечно, а как милиция там оказалась, не знаешь случаем?

– Не-е-е, вообще ничего не понимаю, всё как-то сразу совпало.

– Может, кто постарался? Сначала отравы, потом облава, странно всё это, не находишь?

– Всё может быть, выясним, но я не при делах, верь мне.

– Поживём, посмотрим. Ладно, пойдём к гостям, заждались уж, поди.

Оперативники из райотдела НКВД, задав пару уточняющих вопросов, довольно вежливо пригласили Синцова проехать с ними в отдел для оформления бумаг и проведения очной ставки с задержанной проституткой.

Пока ехали до милиции, Матвей пытался размышлять. «Что же всё-таки за гусь этот мой дружок? С одной стороны, явно скрывает свою связь с Горовым и Зириным. С другой, его сегодняшняя реакция и ответы. Чего-чего, а такого я не ожидал. Может, я зря его подозреваю. Может, действительно, он не участвует ни в каких подставах, а про Горового молчит по каким-то своим непонятным мне причинам? С уверенностью можно сказать только одно – меня пасут и хотят подставить, точнее уже подставили, всё ведь только начинается. Ну, что ж, поиграем в ваши игры, неизвестные товарищи, а там и разберёмся, кто друг, а кто враг».

В отделе уголовного розыска работали скоро и продуктивно. С Матвея сняли показания, провели очную ставку. На очной ставке девица, чуть не отправившая Синцова на тот свет, ревела, как белуга. Умоляла простить её, заламывая худые бледные руки, обещала исправиться

и стать полноценным гражданином страны Советов. Про своё преступление, только и твердила, что не знала, что так получится, думала, что подмешала в коньяк снотворное, что он, клиент, просто уснёт, а она выпотрошит его бумажник. Ничего более страшного произойти не могло. Участие в содеянном Марьяны, она полностью отрицала, клялась, что делала всё по своему усмотрению.

Матвей сидел на очной ставке и не верил ни одному слову этой злополучной Василисы. В голове не укладывалось, что она сама могла пойти на это. Да ещё в борделе и без ведома Марьяны. Это ведь всё равно, что вывеску на бордель повесить, мол, приходите милиционеры, здесь публичный дом. Ну, допустим, уснул бы Матвей, а проснувшись, обнаружил пропажу денег и что, он бы просто ушёл? Нет, конечно, он бы требовал деньги назад, поднял бы шум, и даже если бы не вызвал милицию, то уж репутацию этому подпольному заведению испортил бы навсегда. Да за это Василису из-под земли бы достали и четвертовали тут же, у бандитов разговор короткий. Никак не получалось, что Марьяна здесь ни при чём. Ладно, решил в итоге Матвей, спросим и Марьяну, но по-другому.

Когда же проститутку отправили в камеру, Матвея пригласили пройти в кабинет начальника РО НКВД. Начальник, высокий, уже пожилой мужчина, вышел навстречу из-за стола, выгнав всех остальных из кабинета.

– Здравствуйте, товарищ Синцов, рад познакомиться, не так часто к нам заходят московские товарищи, да ещё из наркомата обороны. Меня зовут Саёлкин Николай Анатольевич.

– Матвей Фадеевич, рад знакомству.

– Да, попали Вы в ситуацию, – практически без предисловий начал Саёлкин, – да и мы с Вами тоже попали. Надо же так, что именно в этот день решили облаву на притон Марьяны устроить, прикрыть её преступную деятельность. И с одной стороны, я безмерно рад, что Вас, можно сказать, случайно, спасли от смерти, а с другой... Если честно, я даже не знаю, как мне поступить, тупик какой-то.

– Что за тупик? – изображая искреннее непонимание, спросил Матвей.

– Ну как же, ведь по долгу службы я обязан поставить в известность о происшедшем с Вами и своё вышестоящее руководство, и партийные органы края, и наркомат обороны. А как Вы это видите? Я должен ведь сообщить, что при ликвидации подпольного дома терпимости, в комнате с проституткой был обнаружен инструктор наркомата обороны, коммунист Матвей Фадеевич Синцов. Как на это отреагируют и Ваше начальство, и партийные органы?

– Да-а-а, плохо это, а может как-то можно не сообщать? – продолжал изображать непонимание ситуации Матвей.

– Дорогой мой, да как же я не сообщу, меня же тогда самого по этапу пустят. Вы же сами бывший оперативный работник, неужели не понимаете?

– Да, понимаю, конечно, но..., – Матвей как мог, тянул резину, отметив, что этот Саёлкин, прекрасно осведомлён о его прошлом и, похоже, подталкивает его на попытку решить всё в обход инструкций. А тем самым завязнуть ещё больше.

– А раз понимаете, то говорю откровенно, мне до боли не хочется рушить Вам карьеру и жизнь, но долг есть долг.

– Так может просто умолчать, о том, что я был у проститутки, можно же обставить так, что всё это произошло в общественной столовой, что меня хотели ограбить и отравили, подсыпав отраву в еду. За мной дело не станет, я в долгу оставаться не люблю, отплачу всем, чем могу.

– Да, что Вы товарищ Синцов, да я бы с радостью, но обстоятельства против. Куда же я фотографии-то дену?

– Какие ещё фотографии? – не понял Матвей.

– Ну как же, вот эти, – ответил Саёлкин, выложив перед Синцовым стопку снимков, – А ведь негативы мы так и не нашли, всё перерыли, а их нет.

Матвей глянул на фотографии и чуть не лишился дара речи. На многочисленных снимках был он, причём абсолютно голый и в самых разных развратных позах. На некоторых фотографиях вместе с ним красовалась полуголая Василиса, при этом её позы только усиливали градус срама и пошлости.

«Да, вот они козыри и козыри убийственные», – справившись с первоначальным шоком, подумал Матвей.

«Ну, вот вы себя и проявили, теперь всё, я с вас не слезу, – уже довольный собой решил Синцов, – Ну, давай, начальник, продолжай вербовку».

Перед начальником РО НКВД разворачивалась совершенно другая сцена. Матвей откинул в сторону стопку фотографий, от чего те разлетелись по полу. Сам же сидел, обхватив голову руками и что-то шептал, качаясь из стороны в сторону.

– Что же делать Николай Анатольевич? – с мольбой в голосе начал Синцов и, вдруг, бухнулся на колени, – Не губи, прошу, не губи, я всё... всё для тебя сделаю.

Саёлкин присел к Матвею, обнял его и по-отечески проникновенно заговорил:

– Не я решаю, пойми, не я. Всё, что могу для тебя сделать, это ничего не предпринимать самому. Все материалы Зирина направлю, с ним решай, я думаю, столкнетесь, он мужик правильный и с пониманием, а я не могу, не мой уровень, уж извини.

«Ага, значит ты только пешка, а вербовать будет Зирин, ну что ж, товарищ начальник НКВД края, я готов, я уже сломлен, я уже тряпка, бери меня тёпленького», – азарт охотника овладел Синцовым, а вслух он проямлил:

– Спасибо, Николай Анатольевич, спасибо, век не забуду...

Разговор с начальником НКВД Восточно-Сибирского края состоялся на следующий день. В коммуны утром прибыла машина с двумя громилами из управления революционной безопасности. Синцова они застали в кабинете особого отдела коммуны, где Устюгов, как мог, успокаивал своего находящегося на грани нервного срыва товарища.

– Ты, Матвей, не хорони себя раньше времени, с Зириным можно решить, поговори с ним по душам откровенно, не всё ещё потеряно, – успокаивал Устюгов своего враз постаревшего друга.

«Ну вот, – думал в это время Матвей, изображая из себя безвольную, сломленную тряпку, – Теперь и ты доложишь Зирина, что я окончательно сломался».

В это время в кабинет протиснулись две гориллы в форме ревбезопасности:

– Товарищ Синцов, Вас вызывает товарищ Зирин, прошу следовать за нами.

«Даже здесь обставляют всё так, что выхода у меня нет, вон ведь каких обезьян за мной отправил. Да, психологи у Вас, товарищ Зирин, хорошие», – про себя ухмыльнулся Матвей и на ватных ногах поплёлся за чекистами.

Сорокалетний, высокий, по-военному подтянутый Мирон Савельевич Зирин сидел за огромным дубовым столом, на котором выделялись чёрные начальственные телефоны, роскошные письменные принадлежности и стопки папок с бумагами. Огромная хрустальная пепельница с окурками папирос разместилась слева и отчаянно дымила.

Мирон Савельевич был погружён в чтение бумаг, с папиросой в зубах. Молча выслушал доклад подчинённых, махнул рукой, отослав их из кабинета. Исподлобья глянул на оставшегося в одиночестве Синцова, снова погрузился в чтение, не проронив ни слова.

Так продолжалось порядка двадцати пяти-тридцати минут. Зирин читал бумаги и беспрерывно курил, всем своим видом показывая, что занят сверхважным делом и до стоящего в дверях Синцова, ему просто нет дела.

Матвей стоял и ждал, ухмыляясь про себя, этот приём был ему хорошо известен: Зирин как бы показывал всю ничтожность Матвея, его полную зависимость от своей воли. Наконец, начальник НКВД края отложил бумаги и «заметил» Синцова.

– Что кобель похотливый, стыдно? – начал унижать Матвея Зирин.

– Коммунист, б..дь нашёлся. Да ты, сука, знаешь, каким должен быть коммунист? А ты, поганец, помнишь слова товарища Дзержинского, про чистые руки? Ты какого х.я попёрся в этот гадюшник? Что сперма в голову ударила? Из-за таких б..дей, как ты, все идеалы Мировой Революции теперь замараны. Понимаешь, что ты сделал? И что я могу с тобой, мерзавцем, сделать? Здесь одним партбилетом не отделаешься, здесь перерождение корячится, предал ты наши идеалы, променял на шлюху. Что, сладкой жизни захотелось? Ты же не просто враг, ты враг Революции, понимаешь ты это?

– Понимаю, товарищ Зирин, всё осознал, готов искупить, на всё готов, – лепетал Матвей, изображая страх и отчаяние.

Поорав ещё минут пять, Зирин успокоился и уже совершенно другим голосом приказал Синцову сесть поближе и даже дал закурить.

– Что осознаёшь и раскаиваешься, я вижу, но мне-то что прикажешь делать? Я ведь должен прямиком товарищу Тухачевскому обо всём доложить. А это для тебя всё, конец, понимаешь? Вижу, понимаешь. И что мне делать, подписать тебе приговор? Жалко тебя, гниду, ведь не враг же ты, просто извращенец, судя по фотографиям.

– Товарищ Зирин, да это же меня бессознательного фотографировали.

– Я-то понимаю, ты это в комиссии партийного контроля расскажи. Там в КПК тебя послушают и пожалеют, да?

– Мирон Савельич, не губи, всё для тебя сделаю, оступился я, но готов искупить, любой ценой.

– Предлагаешь мне подставиться? О тебе умолчу, а другие донесут и что, мне местами с тобой меняться?

– Так никто не узнает, я же с Саёлкиным говорил, он сказал, что всё от Вас зависит.

– А если кто Горовому доложит? Первый секретарь настоящий коммунист, он тебя за этот позор мокрого места не оставит.

– Что же делать?

– А шлюха эта, которая тебя напоила, она, что безъязыкая что ли?

– Да с ней я решу, – ответил Матвей, начиная понимать, к чему его хочет склонить Зирин, но отступать было нельзя.

– Ну, если решишь, тогда можно рискнуть. Хорошо, что негативы у нас. Значит, давай сделаем так. Завтра поедem в загородную резиденцию крайкома. Там поговоришь с Горовым, он уже знает о твоей ситуации. Одно у нас слабое звено – проститутка. Вот убедишь Горового, что закроешь с ней вопрос, тогда и решим всё сообща. А пока иди, отсыпайся, но не в коммуны, здесь переночуешь, в камере, чтобы прочувствовать, что тебя ждёт, если оступишься.

Рано утром Матвея разбудил надзиратель, приказав собираться. Через полчаса в камеру вошёл Зирин, в сопровождении тех самых гориллоподобных чекистов.

– Проснулся? Вчерашний разговор не забыл?

– Так точно, товарищ Зирин, не забыл, готов искупить любой ценой, – с подобострастием отрапортовал Синцов.

– Вчера разговаривал по тебе с Первым. Борис Алексеевич готов тебя выслушать и принять решение. Но сперва нужно решить с проституткой, она знает слишком много, да что я тебе объясняю, сам всё понимать должен, ты же чекист опытный, хоть и руки у тебя грязные. Так что считай это главным условием, если готов его выполнить, будет тебе разговор с Горовым. Если нет, то тогда не обессудь, отправим тебя по инстанциям.

- Я готов всё решить, – твёрдо ответил Синцов, поняв, что его решили повязать кровью.
– Тогда бери, – Синцов кивнул на одного из чекистов, – Ямбаев выдай ему.

Матвей подошёл к чекисту. Тот, кого называли Ямбаевым, протянул Синцову свою огромную руку, в которой находилась кобура. Матвей взял кобуру, открыл, достал пистолет ТТ, он оказался незаряженным. Снаряжённая обойма была тут же.

«Что зассали заряженный давать. Ага, в кобуре дали, значит без отпечатков. Да, крепко они меня обложили, девку жаль, конечно, но сама виновата, да и выбора у меня, похоже, нет. Эх, вас бы сейчас вместо той дуры положить...», – мелькнула крамольная мысль разнести голову Зирина и его гориллам, но Матвей её поскорее отринул.

– Ты заряжать не торопись, на месте сделаешь, а то у меня помощники шибко нервные, могут не сдержаться, – словно прочитав мысли Синцова, произнёс Зирин, – Ну что, пошли.

Пройдя по длинному коридору, они, удалившись от камер с заключёнными, попали в тупиковый коридор подвала. Остановившись возле железной двери, Зирин предложил Матвею заглянуть в камеру. Синцов посмотрел через специальное отверстие для наблюдения. В камере был стол и привинченная к полу табуретка, на которой сидела та самая проститутка – Куликова Василиса.

– Ей сказали, что сегодня на воле будет, вот сидит, ждёт своего спасителя, – нехорошо пошутил Зирин, – Не передумал пока?

– Нет, – ответил Матвей, заряжая пистолет.

Дверь открыл надзиратель. На шум засовов Василиса обернулась. Лицо, полное надежды на спасение, преобразилось. Недоумение, вызванное появлением Синцова с пистолетом в руке, сменилось откровенным ужасом. Словно, подкошенная, Василиса бухнулась на колени и, протянув руки к Матвею начала было молить о пощаде, но он не дал ей такой возможности. Подняв руку с ТТ, Синцов выстрелил три раза в грудь и голову своей жертвы. Откинутая выстрелами проститутка, замерла в неестественной позе, дёрнувшись пару раз в предсмертной судороге.

Синцов убрал пистолет в кобуру и, выйдя из камеры, передал Ямбаеву. Зирин дал команду надзирателю позвонить Сабурову, чтобы тот убрался здесь.

«Сейчас труп вывезут и бросят где-нибудь в городе. Милиция его обнаружит и если что, то убийца, то есть он, будет найден и разоблачён. Крепко же они за меня взялись, но почему такие реверансы вокруг обычного инструктора, хоть и наркомата обороны», – Матвей понял одно, что он пока ничего не понимает.

То, что его могут вербануть не вызвало поначалу никаких подозрений. Это обычное дело, особенно для бюрократившейся местной элиты. Тем более он сам на это пошёл. Но одно дело поймать на проститутке, нагнать жути, а затем спасти от неприятностей, это один момент, здесь всё понятно, это бы и начальник райотдела НКВД мог бы проверить. А здесь какая-то просто изощрённая комбинация, да ещё с кровью, с убийством. Так вербуют для чего-то серьёзного, чтобы с крючка уже не соскочить, здесь положительным отзывом о ситуации в крае не отделаешься.

«Ладно, посмотрим, что Горовой скажет, рано или поздно, но карты они должны же открыть», – с такой мыслью Синцова затолкали в семиместный чёрный лимузин «ЗИС-101» и всей «дружной» компанией поехали в загородную резиденцию Горового.

Примерно в 10.00 «ЗИС» въехал на огороженную высоким забором с колючей проволокой территорию. Загородная резиденция крайкома Партии находилась в живописном месте в лесу, на берегу реки Ангары. Вооружённая охрана на КПП хорошо знала автомобиль Зирина, поэтому пропустила без проверки, а охранники в форме НКВД отдали честь, вытянувшись в струнку.

Выйдя из машины, Матвей осмотрелся. Да, действительно, место было подобрано со вкусом. Сосны, лиственница соседствовали с берёзами и осиной, иногда попадался кедр. Среди

этого зелёного царства прятались небольшие двухэтажные домики, в которых отдыхали от праведных трудов партийные начальники края. Дорожки сновали между деревьев, соединяя разбросанные домики в единую систему. Необыкновенно чистый воздух пьянил и, казалось, что в этом месте нет ни борьбы, ни смертей, ни даже Мировой Революции. Где-то рядом в стороне должен был быть спуск к Ангаре. Какая там рыбалка, с завистью подумал Матвей. Здесь, в этом зелёном раю, хотелось забыть всё на свете, слиться с природой и не покидать этого места до конца своих дней.

Зирин подтолкнул размечтавшегося Матвея:

– Что встал, как истукан, пошли, ждут нас.

Пройдя метров сто по вымощенным камнем дорожкам, Зирин и Синцов вышли на полянку, где возвышался трёхэтажный особняк, с прилегающей к нему территорией для отдыха, с беседками, кострищем, каменным мангалом и прочими атрибутами красивой курортной жизни. Гориллообразные чекисты при этом куда-то испарились, видимо этот особняк был не по их рангу.

Матвея и Зирина встретил обходительный, до невозможности вежливый пожилой мужчина. поприветствовав гостей лёгким поклоном, пригласил их в беседку, где был накрыт стол, предложив позавтракать. После чего незаметно удалился, оставив их одних.

Матвей смотрел на стол и не верил глазам:

«Вот же живёт партийное начальство!», – вспоминая скудное питание в ВоенПроизКоме, да и свой московский паёк, хоть и богаче коммунарского, но не идущий ни в какое сравнение с тем, что ему предложили сейчас. На столе помимо сливочного масла, белого хлеба и варёных яиц, благоухали малосольный омуль, жареная щука, красная икра. Всё это было разложено в белоснежную фарфоровую посуду, а в хрустальном запотевшем графине переливалась и играла светом водка.

– Да ты не тушуйся, ешь, – усмехнулся Зирин, видимо прочитав мысли Матвея.

– Ты, Синцов, привыкай, если сговоришься с Борисом Алексеевичем, то глядишь, так каждый день завтракать сможешь. Давай по рюмочке бахнем, для аппетита, так сказать.

Матвей чокнулся и выпил ледяной водки с Зириным, закусил икрой и начал усиленно жевать, поглощая пищу, одновременно пытаясь сосредоточиться и привести разбегающиеся мысли в порядок.

«Ты смотри, как они меня обложили. На контрасте работают, суки! Сначала давление, камера, компромат, убийство, теперь вот райское место, буржуйская еда, панибратское отношение. Нет, что-то им от меня надо, слишком большие ресурсы для обычного инструктора. Я всё-таки прав, сейчас должен по идее появиться Горовой, чтобы закончить вербовку».

Так пролетел час, потом ещё один. Насытившись, выпив по сто пятьдесят грамм водки, Матвей и Зирин дремали в тени беседки. Их разбудил насмешливый баритон:

– Что черти, набили брюхо и спать, а кто Мировую Революцию вершить будет!

Открыв глаза, Матвей увидел вскочившего и вытянувшегося во фронт Зирина, поднялся и встал по стойке смирно сам, изучая подошедшего к ним первого секретаря крайкома, пока начальник НКВД докладывал тому обстановку в городе.

Борис Алексеевич Горовой был невысоким, полноватым мужчиной, лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с крупными чертами лица и большими лобными залысинами. Был одет, полетнему легко, в светлую хлопчатобумажную рубашку с коротким рукавом и светлые брюки. На ногах красовались сандалии.

– Хорошо, Зирин, понял я тебя, ну ты иди-ка пока займи себя чем-нибудь, а я вот с товарищем из Москвы пообщаюсь, – Горовой расположился в беседке и, дождавшись когда Зирин уйдёт, продолжил:

– Зовут меня Борис Алексеевич, первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома Партии. А ты, значит, и есть Матвей Фадеевич Синцов, инструктор из Москвы? – скорее для проформы спросил Горовой.

– Так точно, инструктор наркомата обороны, прибыл к вам в командировку для оказания практической помощи коммунарам, – отрапортовал Синцов.

– Ну и как наши коммунары? Как подготовка боевая, хорошо наши инструктора работают?

– Да, в принципе нормально, есть, конечно, небольшие недочёты, но исправим в рабочем порядке.

– Хорошо, если так. А ты, кстати, давно у Тухачевского работаешь? Я так понял, что ты же здесь в Иркутске раньше работал, в ревбезопасности?

– Так точно, работал здесь, а с тридцать пятого в наркомате обороны.

– Ага, понятно, ездишь по стране часто?

– Да, не то чтобы часто, но бывает.

– Хорошо. Ты ведь, наверняка, на хорошем счету там в Москве?

– Так точно.

– Да-а-а, а тут вот сплеховал, да?

– ...

– Ну, что замолчал-то, сказать нечего?

– Так точно, нечего. Виноват я.

– Виноват! Ты, брат, обосрался, причём обосрался по полной. Тебя же по-хорошему в камеру следовало отправить. А то работник наркомата! Ты же примером должен быть для нашей революционной молодёжи, а ты какой ей пример показываешь?

– Простите, Борис Алексеевич, чёрт попутал.

– Чёрт то есть виноват? Ладно, всё это лирика, не за тем я тебя сюда привёз. Да и чтобы иллюзий вредных у тебя не возникало, сообщаю тебе, что сегодня в 11.15 сотрудники уголовного розыска обнаружили труп некой гражданки Куликовой Василисы. Помнишь такую?

Матвей кивнул в ответ, уже понимая, к чему клонит Горовой.

– Так вот, представляешь, её буквально вчера вечером отпустили под подписку, а сегодня уже нашли мёртвой. Застрелили её из ТТ, а пистолет этот самый нашли тут же недалеко, убийца его видимо потерял, когда убегал с места преступления. Но, я думаю, что на том стволе его пальчики-то остались, так что мы это убийство быстро раскрутим. Дело я приказал в УРБ передать, Зирину, значит, под контроль. Понимаешь, какая штука выходит?

– Понимаю, Борис Алексеевич, всё понимаю, – уже спокойно ответил Синцов.

– Ну, вот, вижу теперь, что всё осознаёшь, всё понимаешь, а то заладил – так точно, да чёрт попутал. Ты же сам чекист бывший, два плюс два сложить сможешь. Так что давай поговорим откровенно.

– Давайте, Борис Алексеевич, я готов.

– Сейчас за твою жизнь, я бы и копейки не дал, тебя с любого конца зацепить можно, хошь перерожденцем объявляй, хошь – убийцей, следы заматающим. Ты сейчас у меня вот где, – Горовой показал Матвею кулак, – Захочу сей момент растопчу, захочу, помилую.

– Я это очень хорошо понимаю, товарищ первый секретарь, я уже говорил, что готов искупить.

– Нужен мне человек, вроде тебя в Москве для одного деликатного дела. Справишься, докажешь мне свою преданность, тогда уже по-другому поговорим. В нужде жить не будешь, у меня возможности безграничные, и прикрыть тебя смогу, если что, у меня друзей много, а помощников ещё больше. Я ведь с самим Троцким Революцию делал, сталинистов в расход пускал.

– Времени всё обдумать у тебя было достаточно, так что на раздумье не дам ни минуты. Отвечай здесь и сейчас, будешь мне служить, служить безоглядно и до конца?

– Буду, Борис Алексеевич, я уже всё для себя решил.

– Собственно другого ответа я и не ждал. Ты, Матвейка, не ссы, кто со мной в одной упряжке, тот всегда на коне и о решении своём ещё никто не пожалел, ни Зирин, ни дружок твой Устюгов.

«Надо же, Матвейка, а как ты других своих холопов называешь интересно, они у тебя все Серёжки да Мирошки или для кого-то исключения делаешь. Сразу показал, кто здесь хозяин, ни дать ни взять, барин», – думал Матвей, испытывая к Горовому всё возрастающую ненависть.

– Что я должен буду сделать? – уже вслух ответил Синцов.

– Потом, всё потом, главное принципиальное согласие твоё нужно было, а там так привычное для тебя дело. Есть у меня там недруг один, никак подобраться к нему не могу, вот ты и исполнишь его, но так по-тихому, подсыплешь порошок один этому человечку, значит, и всё. Готов сделать это, не обосрёшься?

– Готов, Борис Алексеевич, а кого нужно устранить?

– Я же сказал потом, всему своё время. А сейчас иди, отдыхай, вечером банкет ожидается.

Матвей, оставшись в одиночестве, спустился к Ангаре, где сидя на камнях, уже в спокойной обстановке занялся анализом последних невероятно насыщенных событиями дней.

То, что он вынес из этого анализа, выглядело совершенно неприглядно. Минимальная задача была выполнена, но результаты превзошли все предположения. Горовой оказался не просто перерожденцем, расплодившим в крае бюрократию. Уже за это предательство Мировой Революции его можно было смело ставить к стенке. Но всё оказалось гораздо страшнее, здесь вырисовывался заговор, настоящий заговор с участием первых лиц НКВД и крайкома Партии.

То, как вербовали Матвея, говорило о масштабах этой организации и абсолютной уверенности её участников в своей неуязвимости. Ведь доставить освобождённую из-под стражи преступницу в НКВД, организовать её расстрел в подвале, вывезти труп в город, где всё обставить как настоящее убийство, невозможно без свидетелей. В один этот акт должно быть вовлечено несколько человек, скорее всего сотрудников УРБ, которые впоследствии будут молчать о своём участии в этом акте. Таким образом, можно сделать вывод, что участвующие в акции люди, так или иначе, вовлечены в организацию.

Удивляла и одновременно пугала цель вербовки. Получалось, что Матвея вербовали для ликвидации какого-то ответственного работника наркомата обороны, иначе зачем такая кутерьма. Интересно, рассуждал Матвей, а что если бы я действительно ликвидировал работника наркомата, что было бы со мной. Опять же было не ясно, зачем его, только что завербованного приглашать на банкет, где явно будут участники организации. Неужели тоже психологический ход, мол, вот мы какие, ничего не боимся и ты теперь один из нас, так, что ли. Интересно, кто их так натаскивает. Чем этот Горовой после Октябрьской Революции занимался, может как раз психологическими разработками, это же направление как раз курировал Троцкий.

Хотелось как можно скорее оказаться в Москве, чтобы доложить Ежову, но Синцов понимал, что торопиться в этом деле нельзя. Выходить же на Ежова по телефону было крайне опасно, вряд ли его теперь оставят здесь без наблюдения. Оставался открытым вопрос получения доказательств. Первоначальные надежды на Устюгова, как на возможного информатора для товарища Троцкого были отброшены Матвеем, исходя из действий последнего. Видимо он был настолько сильно втянут в этот заговор, что обратного пути у него не было. Впрочем, чему тут удивляться, если его самого посадили на такой крючок, что не будь он тайным ревизором, выбора у него бы уже не существовало.

Банкет на открытом воздухе затянулся до глубокой ночи. Как и ожидал Матвей, на этой вакханалии присутствовало человек шестьдесят, можно сказать вся верхушка края. Здесь были сплошь руководители партийных органов, Восточно-Сибирского совнаркома, промышленных предприятий, Иркутского военного гарнизона. Среди знакомых лиц Матвей отметил Зирина, Устюгова, председателя коммуны Илларионова. Были и другие непонятные личности, не относящиеся к руководству края.

Банкет начался с поднятия тостов за здоровье товарища Троцкого, за победу Мировой Революции. Но уже через минут двадцать после начала, Мировая Революция была забыта, и во главу угла встал товарищ Горовой, которого называли отцом, вождём, покровителем и пели ему такие дифирамбы, что Матвею порой хотелось заткнуть уши и бежать подальше отсюда, чтобы не слышать эту приторную, постыдную лесть. Сам же Горовой просто светился от счастья, когда слышал очередные слащавые восхваления. Тот самый личный фотограф трудился во всю, только успевая щёлкать затвором фотоаппарата и менять кассеты фотоплёнки.

Стол ломился от кулинарных изысков, по сравнению с которыми утренний завтрак казался жалкой пародией на еду. Обслуживали банкет около десятка официантов, без устали снующих туда-сюда то с новыми закусками, то с пустыми бутылками. Водка лилось рекой, и через пару часов этого пиршества опьяневшая бюрократия, насытившись «хлебом», возжелала «зрелищ». Зазвучала весёлая музыка. Невесть откуда появились полуголые девицы. Выскочив на импровизированную сцену, начали танцевать, высоко задирая ноги и изображая подобие канкана. Разгорячённые зрители, дыша парами алкоголя, приходили в неистовство, когда очередная девица, задрав ногу, открывала взору едва прикрытое сокровенное место.

После неистовства танца, банкет продолжился, но уже с участием танцовщиц и других барышень, которые заполонили своими откровенными нарядами банкетную лужайку. Водка опять полилась рекой, опять зазвучали тосты в честь Горового. Дальнейшее действо банкета переросло в откровенный разврат, то там, то здесь слышался женский визг, хохот, чьё-то фыркание и рычание. Бегали полуголые девицы, за ними гонялись пьяные в дым руководители, падали, блевали, засыпали здесь же на траве.

Надо отдать должное, но эти этапы банкета уже не фиксировались фотографом для будущего музея Мировой Революции. Уже ближе к рассвету гости постепенно расползлись по гостевым домикам. Тех, кто не смог, уносила прислуга и телохранители. Женская «гвардия» под руководством той самой Марьяны была собрана вместе, посажена в автобус и вывезена с территории резиденции. За всё время банкета Матвей так и не пообщался ни с Устюговым, ни с Илларионовым.

В коммуну Матвей вернулся только в субботу. Всю пятницу он провёл в загородной резиденции. С Горовым уже не виделся, поговорил с Зириным, который приказал Синцову возвращаться в коммуну и продолжать выполнять командировочное задание, все дальнейшие инструкции он должен был получить позже.

Председатель коммуны вёл себя как ни в чём не бывало, ни жестом, ни словом не обмолвился о банкете. Отношение Илларионова к Матвею тоже никак не изменилось, как догадался Матвей, это была обычная практика конспирации. На рабочих местах все вели себя как истинные коммунисты, все силы отдающие приближению Мировой Революции. В резиденции Горового всё менялось, там местная элита сбрасывала свои маски и становилась тем, чем была всегда – махровой советской бюрократией.

Матвей старался понять, имеют ли эти новые советские бюрократы прямое отношение к заговору, которым руководит Горовой, но так и не пришёл к однозначному ответу. То, что зажавшиеся чиновники держатся за власть любой ценой, пускаясь во все тяжкие, было одно, и характеризовало их как перерожденцев. Но вот участвовали ли они в планировании убийств, как, например, тот же Горовой или Зирин, Матвей достоверно сказать не мог. Впро-

чем, перерождение уже считалось страшным предательством делу Мировой Революции и каралось самым жёстким способом, вплоть до высшей меры. Возможно, страх и ожидание этой неминуемой расплаты, заставляли местную элиту учинять такие вакханалии, чтобы хоть на время забыться в угаре опьянения и разврата.

В эту же субботу Матвей попытался объяснить с Устюговым. Но тот от разговора увильнул, сказав, что, мол, извини, так надо было, служба. И добавил, что такие разговоры у них вести не принято, а так как Матвей теперь один из них, то на него это правило распространяется в не меньшей степени.

В общем, с понедельника Синцов вновь приступил к своим занятиям с коммунарами, обучая этих чистых, не замаранных грязью перерождения и заговора парней и девушек тактике и стратегии, стрельбе и приёмам самбо.

Пролетела ещё одна неделя, и в субботу утром Матвея вызвал к себе в кабинет Устюгов. В кабинете особого отдела коммуны кроме хозяина находились уже знакомые ему гориллообразные чекисты и доктор Аркадий Фёдорович, который лечил Синцова после отравления. Чекисты сообщили, что Матвея вызывает к себе Зирин, но они подождут, так как его пришёл осмотреть доктор. Аркадий Фёдорович задал несколько вопросов о самочувствии Матвея, послушал, постучал молоточком, измерил давление.

– Ну, что ж, товарищ Синцов, процесс выздоровления налицо, через пару дней будете совершенно здоровы. Но я бы поставил Вам укольчик общеукрепляющий, так сказать, в завершении лечения. Закатайте рукав, – закончил говорить Аркадий Фёдорович и принялся готовить шприц.

– Да не надо, доктор, я чувствую себя хорошо, так что приберегите укол для другого, – ответил Матвей, чувствуя в воздухе повисшее напряжение.

– Нет-нет, и не вздумайте отказываться, я врач, я знаю что делаю! Немедленно закатайте рукав! – разозлился Аркадий Фёдорович.

– Да, отстаньте Вы от меня, не нужны мне никакие уколы, всё, доктор, мне пора, меня вон начальство ждёт, – запротестовал Матвей, ощущая приближение беды.

Встал из-за стола и уверенным шагом направился к дверям. Чекисты, до этого безучастно стоявшие у дверей, неожиданно пришли в действие и набросились на Синцова, заломив ему руки. Повалив на пол, они скрутили Матвея. Доктор с помощью Устюгова, закатал рукав и воткнул в вздувшуюся от напряжённой борьбы вену шприц. Препарат медленно вошёл в кровь Матвея, от чего перед глазами всё поплыло, и он провалился в чёрную пустоту...

Время действовать

Ночью Андрей опять побывал в своём детстве. Проснувшись, он пытался собрать воедино и то событие из прошлого, в котором он побывал, и то, к чему это было, пытаясь найти хоть какую-нибудь связь со своим пребыванием в новой реальности.

Приходилось ли Андрею убивать? Во сне он видел себя в детстве на берегу Ангары. Андрей часто любил спускаться к реке и любоваться ее спокойными величавыми водами. Ему десять лет. Вместе с ним его младший двоюродный брат Миша. Они пускают «блинчики» по воде, запуская плоские камешки, наблюдая сколько раз подпрыгнет камень, пока не утонет. У Миши получается сделать больше «блинчиков», чем у Андрея. Андрей злится, берет один камень, другой... дружеская посиделка превращается в соревнование. Теперь они уже не братья, а соперники. Андрей берёт увесистый плоский камень и собирается его запустить.

Странно... раньше он ни разу не задумывался, а почему взял такой большой камень? Он же далеко не улетел бы. Это и ему件нятно было. Миша тем временем был впереди Андрея на пару шагов и запускал очередной «блинчик». И вот Андрей берёт этот тяжелый камень, и... камень срывается и попадает прямиком в шею Мише. Раздается противный хруст, Мишка издаёт горлом булькающий звук и ничком падает на каменистый берег.

Ужас охватывает Андрея – он убил своего любимого родственника. Мало того, что за это придётся отвечать, так ещё и лучшего друга лишился. Андрей тогда уже знает, что такой удар по шее приводит к смерти, ломаются шейные позвонки и всё... капут. В лучшем случае парализация. Невозможно передать весь эмоциональный спектр, который пережил Андрей за короткое время, он что угодно готов был отдать, только чтобы его друг выжил, чтобы отменить это досадное недоразумение. И слёзы, и мольбы – всё тут было. А когда он обернулся, то вместо неподвижного тела, увидел, что Мишка сидит у камня как ни в чём ни бывало.

Уже потом Андрей по-всякому объяснял это событие. Мишка признавал, что камень ему больно сделал, а не разговаривал он долго, потому что злился на Андрея. Тем не менее, Андрей на короткое время стал убийцей, прочувствовал на себе это. Даже неважно, что он преувеличил ситуацию, для него Мишка был мёртв какое-то время, и с этим осознанием, с этим фактом ему пришлось иметь дело. Конечно, когда все разрешилось, пришло неопишваемое облегчение. И всё равно, непонятно, зачем он взял такой большой камень. Может быть, он хотел на самом деле, подсознательно, убить человека?.. Какая сила овладела им тогда?

И к чему этот сон? Может ему придётся убивать? Ведь Синцов, в чьей личности он теперь пребывал, уже делал это...

Андрей лежал на кровати и думал. Но как назло, в этот раз мысль, вместо своего бурного развития, почему-то молчала и даже пряталась. Информация, обрушившаяся на него, накладывала определённые обязательства. Теперь он не просто Кузнецов Андрей, оказавшийся невесть в какой реальности, а ревизор КПК при ЦК ВКП(б). Всё усугублялось тем, что на него, как на товарища Синцова, совершено покушение, а его лечащий врач никто иной, как один из покушавшихся. Таким образом, если разобраться, то Андрей в шкуре Синцова находился сейчас в самом логове врагов, для которых он стал почему-то опасен, и что могут его враги предпринять в дальнейшем, он боялся даже представить.

Во всей этой патовой ситуации самым страшным было то, что Андрей не знал, что делать. Причём не просто не знал, а не знал абсолютно, и это абсолютно касалось не только общей стратегии, но и даже следующего шага. Наверное, рассуждал Андрей, этот Синцов что-нибудь бы мог решить, но как его спросить об этом было件известно. Единственное, что смог решить Андрей, складывалось из шагов, которые уж точно не следовало совершать.

Ни в коем случае нельзя дать понять врачам, а особенно этому душегубу Аркадию Фёдоровичу, что он, в их глазах Матвей Синцов, обрёл память. Почему-то все они были уверены, что товарищ инструктор из наркомата обороны потерял память и не помнит ничего из того, что произошло за последние дни. Это в свою очередь давало Андрею шанс, проскочить, если до конца притворяться ничего не помнящим. Повезло, что встреча с этим гадом Устюговым произошла ещё до того, как Синцов заявил о себе в сознании Андрея.

Далее, нельзя совершать никаких активных действий, пока нет конкретного плана, нужно просто лежать, поддерживать легенду беспамятства и наблюдать, что будет дальше. Эта временная стратегия, по разумению Андрея, должна была сохранить ему жизнь, да и честно говоря, что-то сейчас предпринимать не было ни сил, ни желания, ни возможности. Ситуация казалась Андрею, действительно безвыходной, умирать было страшно, остро до боли хотелось жить, жить любой ценой. Но вот как жить, как выжить Андрей не представлял, а Синцов подло молчал.

Дни пролетали один за другим, Аркадий Фёдорович бывал у Андрея ежедневно, постоянно задавал вопросы и неотрывно смотрел в глаза. Иногда ему казалось, что этот чёртов доктор видит насквозь и не верит всем его ухищрениям, что ещё немного, и он будет разоблачён, и тогда всё, конец, в живых его тогда точно не оставят. Но страх смерти и желание жить, делали своё дело – Андрей оставался неразоблачённым.

Решение пришло неожиданно и просто. Произошло это 29 июня, спустя три недели после того, как он очнулся в больнице. Возможно, он просто устал от постоянно терзающих его мыслей, попыток найти решение тому, что делать дальше.

В тот день у него сам собой отключился внутренний диалог, и Андрей просто лежал, глядя в потолок, не обременяя себя даже мало-мальски ничтожной думкой. Через какое-то время, вернувшись в свою обычную ментальную реальность, он вдруг понял, что знает, как ему нужно поступать, чтобы не просто выжить, но и выполнить задание Партии, которое ему было доверено самим товарищем Троцким.

Получилось, что отключив свои мысли, он дал возможность протиснуться личности Матвея, которая и объяснила весь дальнейший план. Ему, Андрею, оставалось просто наблюдать, что решает и как поступает личность Синцова. Впоследствии это подключение «мозгов» Матвея стало настолько обычным явлением, что превратилось в обыкновенную привычку и проходило «на автомате».

Итак, время действовать пришло. Первое, что должен был сделать Андрей, это выпиться из больницы и выехать из города, что было самым простым делом. Как предполагал Матвей, что-то пошло не так, возможно где-то произошла утечка или прокололся он сам. В любом случае, тот злополучный укол говорил о двух неоспоримых фактах. Первое – в Синцове Горовой неожиданно увидел опасность. Второе – Горовой не знает, откуда исходит эта опасность, иначе Матвея уже не было бы в живых, подстроить несчастный случай для людей Зирина было несложным и привычным делом. Горовому важно узнать, кто стоит за Синцовым, до этого он вряд ли предпримет активные действия.

Из этих рассуждений вытекало, что скорейшая отправка Матвея в Москву была на руку не только Матвею, но и самому Горовому. Там, в Москве, Синцова возьмут под наблюдение его люди и выяснят, к кому Матвей их приведёт. Несомненно, в пути его тоже будут сопровождать, но вряд ли Горовой отправит для этого много людей. Скорее всего, один-два человека, ведь все уверены, что Синцов безобиден как ребёнок, потому что мало что помнит о своей жизни. Недаром же так старался этот душегуб Аркадий Фёдорович.

Задача заключалась в том, чтобы выявить и избавиться от сопровождения в пути, и, пока поезд прибывает в Москву, успеть вернуться и сделать максимум, пока заговорщики не замели все следы. Самым сложным здесь было сохранить своё инкогнито, и сделать, так, чтобы никто

из людей Горового не понял, что его уже нет в поезде. Как это сделать Андрей-Матвей не знал, но предполагал, что там, в поезде что-нибудь придумает, исходя из, так сказать, местных условий.

И Андрей, точнее Матвей, начал действовать...

Первый этап плана был выполнен без сучка и задоринки. Стоило Матвею обратиться к Аркадию Фёдоровичу с просьбой выписать уже его из этой чёртовой больницы и отправить домой в Москву, тот противиться не стал, осмотрел в очередной раз, удовлетворённо крикнул и дал добро.

Инструктора наркомата обороны Матвея Синцова провожали в Москву с почётом. На вокзал прибыли председатель коммуны Илларионов, начальник особого отдела Устюгов, представитель крайкома ВКП(б) Мусихин. Матвею крепко жали руки, обнимали по-товарищески, наговорили напутствий и пожеланий скорейшего выздоровления. Естественно, сделали несколько памятных фотографий. Уже в вагоне выпили за победу Мировой Революции и товарища Троцкого, после чего провожающие ушли, оставив Матвея и сопровождающего его коммунара по имени Петро.

Поезд тронулся, и Матвей принялся за исполнение второго этапа плана. Буквально пары перекуров в тамбуре хватило для выявления второго сопровождающего, ехавшего в соседнем купе, с которым «незаметно» всякий раз перемигивался Петро. Сопровождающий Матвея «коммунар» оказался словоохотливым и компанейским парнем, вероятно, сотрудником УРБ. По крайней мере, к ВоенПроизКому имени тов. Преображенского он не имел никакого отношения. Установить это для Матвея не представило большого труда, задав пару безобидных с виду вопросов.

Вернувшись с очередного перекура в купе, которое, к слову сказать, было откуплено полностью и вмещало только Синцова и его спутника, словоохотливый Петро завязал очередной разговор.

– Вот ты мне всё же скажи, Матвей, что и вправду ничегошеньки не помнишь?

– Да, я же говорил уже, забыл, что ли Петро.

– Ну, вот меня-то, например, помнишь же.

– И тебя, и всех провожающих, и то, что в командировке здесь был, и что в больнице лежал, всё помню. А что вот до больницы было, не помню, знаю, что инструктор я, что в наркомате обороны работаю, а вот что да как, хоть убей, не помню.

– Что-то, брат, память у тебя какая-то избирательная получается, здесь помню, там не помню.

– Да, доктор-то мне то же самое говорил, что память у меня такая стала: в целом, всё помнит, а что касается отдельных людей и событий до травмы, всё это, как в трубу вылетело, пелена одна.

– Да-а-а, эх, не завидую я тебе.

– Да я и сам себе не завидую, сейчас в Москву приеду и опять, уколы, таблетки, процедуры разные. Ты, вот, Петро, скажи, разве это жизнь?

– Ну что ты, Матвей, конечно, всё это хреново, но крепись, может память-то и восстановится.

– Кабы так, я полжизни бы отдал, лишь бы память вернуть. А сейчас одна радость осталась – покурить да водочки с расстройства выпить. Может, выпьем по маленькой, а, Петро?

– Да где ж её взять-то эту водочку, она же только в вагоне-ресторане, а там цены, сам понимать должен.

– Ты, что, Петро, я же командировочный, неужто думаешь, что угостить тебя не смогу, за деньгой дело не станет, ты давай, сгоняй в ресторан, хоть посидим нормально, а то неделю в поезде трястись, скукота одна.

Андрей, слушая, сам себя, не уставал удивляться, как это у него так лихо получается добиваться цели. Хотя чего уж тут удивляться, Матвей своё дело знал и действовал на редкость эффективно...

В глазах Петра он увидел некую борьбу. Видимо желание выпить на халяву боролось с долгом. Конечно победила халява, и после недолгих душевных терзаний Петро, взяв деньги, умчался в вагон-ресторан.

Не теряя времени, Матвей осмотрел вещи своего попутчика, обнаружил в саквояже удостоверение помощника уполномоченного УРБ и револьвер и перепрятал их в свой чемодан.

Вернувшийся с тремя бутылками водки и минимумом закуски Петро несколько удивил Андрея, он и представить себе не мог, что можно столько выпить на двоих, да ещё фактически без нормальной закуски. Но, видимо, помощник уполномоченного был не дурак до этого дела и относился к застолью со всей серьёзностью.

Начав выпивать за Мировую Революцию и товарища Троцкого, продолжив за знакомство, здоровье и дружбу, новые закадычные друзья разошлись не на шутку, уговорив за полчаса две бутылки. Петро заметно окосел, чего нельзя было сказать про Матвея. Андрей же в очередной раз восхитился выносливостью своего нового тела. Синцов уверенно и методично шёл к своей цели.

Когда вторая бутылка опустела, Матвей обнял своего нового друга и заплетающимся языком спросил:

– Пе-етруха, бра-атан, а чё ты ме-еня с кореш-ш-шом своим не зна... не знакомишь?

– С-с-с... с Павлу... с Павлухой?

– С ним...

– Иди... зови, скажи я при... приказал.

Матвей, оставив пьяного в дым Петра, зашёл в купе, где ехал тот самый Павлуха.

– Павлуха, здравствуй, – с широкой улыбкой Матвей направился ко второму чекисту, глядевшему на Синцова круглыми ничего не понимающими глазами.

– Павлуха, подъём, Петро приказал доставить тебя в целости и сохранности в наше купе.

Соседи Павла начали недовольно шушукаться, выражая явную неприязнь к Матвею, от которого так разило перегаром, что впору было одевать противогазы.

Второй чекист, видимо сообразив, что дело может закончиться скандалом, быстро вскочил и, увлекая Синцова за собой, мгновенно оказался с ним в коридоре.

– Ты что? Где Петро?

– Я же говорю, в купе, идём, а то начну скандалить, – Матвей видел, как боится Павел лишнего внимания пассажиров и воспользовался этим, заставив чекиста пройти с ним.

Уже в купе, увидев живого и невредимого, но пьяного Петра, Павлуха успокоился и немного поколебавшись, решился выпить рюмочку, потом ещё одну, и ещё...

Когда третья бутылка подошла к концу, Петруха мирно спал на верхней полке, а уже заметно опьяневший Павел, очередной лучший друг Матвея, требовал продолжения банкета.

Синцов, не заставляя себя упрашивать дважды, отправился в вагон-ресторан за добавкой, оставив чекистов в своём купе одних. По дороге Матвей вновь заглянул в купе Павла и под недовольное бурчание пассажиров забрал вещи второго чекиста. Тут же, закрывшись в туалете, обыскал рюкзак Павла, обнаружил удостоверение сотрудника ревбезопасности и револьвер, оружие забрал с собой, а удостоверение скинул рядом с унитазом, закидав грязной бумагой. Вернувшись в купе, сообщил недовольным пассажирам, что произошла ошибочка и вернул рюкзак на место.

Уже в своём купе разбудил дрыхнувших чекистов, продолжил пьянку, влив в своих соглядатаев ещё по бутылке водки, сопровождая всё громкими выкриками и нецензурной бранью. Пару раз в купе прибегала проводница, пытавшаяся урезонить вошедших в раж пассажиров, но уходила ни с чем, под грозные окрики Павла и Петрухи, которых науськивал Матвей, сам оставаясь в тени и пряча от проводницы своё лицо.

Уже подъезжая к станции Зима, Матвей устроил очередной дебош в купе, вырубив и без того пьяных в стельку чекистов, побил стаканы, создав видимость драки, после чего, что есть силы врезал себе под левый глаз и в нос, оставив следы насилия на своём лице. С криками прибежал в купе к проводнице, закрывая лицо рукой, размазывая кровь, хлещущую из разбитого носа. Сбивчиво, пряча глаза в пол, то и дело, вытирая кровь, рассказал проводнице жуткую историю, что оказался жертвой двух бандитов, которые обманули его, пропили все его деньги, а затем и избили. После чего передрались сами, и теперь пьяные спят в купе. Слезно попросил вызвать милицию, чтобы избавиться себя от таких буйных соседей.

Проводница, уже познакомившаяся с пьяным хамством Павла и Петра, безоговорочно поверила Матвею, и побежала к начальнику поезда сообщить о хулиганах.

В это время Матвей проследовал в плацкартный вагон, где ранее приметил внешне схожего с собой мужичка жуликоватого вида, явно не бандита, но пройдоху и скрягу. Вытащив его в тамбур, сделал предложение, от которого у пройдохи загорелись глаза. За довольно кругленькую сумму, Синцов предложил Витюне, так звали крохобористого мужичка, поменяться местами. Ему, то есть Матвею, нужно было смотаться по своим амурным делам, а уйти так просто он не мог, его наличие в поезде, как ответственного работника, могли проверять на станциях и забить тревогу, не обнаружив на месте. Поэтому Витюне предлагалось проехаться с комфортом одному в купе до Москвы, изображая товарища Синцова.

Более того, уже в Москве, встречающий Матвея родственник, должен был прибавить ещё столько же, если всё пройдет удачно. Единственное неудобство, которое необходимо было испытать Витюне, это два удара по морде, чтобы всё выглядело достоверно. Не особо раздумывая, Витюня тут же согласился и, получив по лицу, пошёл в свой плацкарт дожидаться станции и предстоящего обмена. О том, что Витюня в ожидании второй подачи не тронется с места до самой Москвы, Матвей не сомневался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.